

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ТАКОЙ ЖЕ ПРЕДАТЕЛЬ, КАК МЫ

САМЫЙ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ТРИЛЛЕР
ЛЕ КАРРЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.

THE NEW YORK TIMES

СМОТРИТЕ В КИНОТЕАТРАХ

Джон Ле Карре

Такой же предатель, как мы

«Corpus (ACT)»

2010

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Ле Карре Д.

Д. Ле Карре — «Corpus (АСТ)», 2010

ISBN 978-5-17-092922-1

Не первое поколение читателей всего мира с нетерпением ждет выхода каждой новой книги британского мэтра. В прошлом сотрудник MI-6, Джон Ле Карре знает о работе спецслужб куда больше, чем нужно для душевного комфорта, – его герои живут под давлением вечного выбора между долгом и честью. Шедевры шпионского романа, выходящие из-под пера Ле Карре, печальные и ироничные, трогательные и беспощадные, по праву занимают почетную полку в любой домашней библиотеке. В романе “Такой же предатель, как мы” молодая английская пара устраивает себе романтические каникулы на Антигуа, где заводит знакомство с русским богачом, отмывающим деньги для преступных группировок, чьи лидеры вот-вот спишут его со счетов. Чтобы спасти себя и семью, он предлагает разведке Великобритании море ценных сведений в обмен на защиту и покровительство. Его последняя отчаянная надежда – на «английских джентльменов», которые всегда «играют честно»...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-092922-1

© Ле Карре Д., 2010
© Corpus (АСТ), 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джон Ле Карре

Такой же предатель, как мы

*Памяти Саймона Ченнинга Уильямса,
режиссера, чародея, благородного человека*

*...и королям
Гнусней изменник, чем сама измена.¹*

Сэмюэл Дэниел, «Клеопатра»

Глава 1

В семь часов утра на карибском острове Антигуа некто Перегрин Мейкпис, он же Перри, известный спортсмен-любитель и вплоть до недавнего времени – преподаватель английской литературы в одном из престижнейших оксфордских колледжей, играл в теннис с мускулистым, надменным, лысым, кареглазым русским по имени Дима, величаво несущим бремя своих пятидесяти с хвостиком лет. Матч немедленно привлек пристальное внимание британских агентов, испытывающих профессиональную неприязнь ко всякого рода случайностям. Впрочем, события, предшествовавшие этой игре, никоим образом не могли бросить тень на Перри.

Тридцатилетний рубеж, который он перешагнул три месяца назад, ознаменовался серьезными переменами в его жизни – причины накапливались в течение года, причем даже без ведома Перри. Но однажды, сидя в восемь часов утра в своем скромном оксфордском жилище после семимильной пробежки, которая отнюдь не умалила предчувствия катастрофы, Перри заглянул в собственную душу и попытался понять, чего именно он достиг за первую треть жизни, кроме возможности ограничить свой мир исключительно пределами «города дремлющих шпилей».²

Почему?

Всякий посторонний человек сказал бы, что Перри достиг несомненного успеха в академической среде. Сын учителя, получивший образование в общественной школе, он с отличием окончил Лондонский университет; в знак признания его достижений Перри удостоили трехлетний преподавательского контракта в старинном, богатом, престижном оксфордском колледже. Свое первое имя – традиционную принадлежность выходца из высших слоев английского общества – он получил в честь мятежного методистского священника XIX века, Артура Перегрина из Хаддерсфилда.

В течение учебного года Перри не только преподает – также он увлекается кроссом и охотой. В свободные вечера он помогает в местном молодежном клубе, на каникулах штурмует опасные вершины и совершает серьезные восхождения. Тем не менее, когда колледж предложил ему постоянную работу – или, как бы назвал это Перри теперь, будучи в мрачном расположении духа, «пожизненное заключение», – он отказался.

Опять-таки, почему?

В минувшем семестре он прочел цикл лекций о Джордже Оруэлле, под названием «Задущенная Британия», и испугался собственной риторики. Поверил бы Оруэлл, что в

² Город дремлющих шпилей – Оксфорд, где много церквей и капелл при колледжах. (Здесь и далее – прим. перев.)

начале XXI века с лица земли отнюдь не исчезнут невежество, пристрастие к разжиганию войн, высокомерие титулованных особ, пресыщенные мещане, которые травили его в тридцатые годы?..

Разглядывая лишенные всякого выражения лица студентов, Перри сам ответил на свой вопрос: нет, Оруэлл ни за что не поверил бы. А если да – то вышел бы на улицу и расколотил какую-нибудь витрину побольше.

Именно эти соображения он вдохновенно излагал Гейл, своей возлюбленной, когда после праздничного ужина оба лежали в постели, в квартире на Примроуз-Хилл, которая досталась ей от отца – больше у того не было ни гроша.

– Мне не нравятся доны,³ и я не хочу быть одним из них. Не нравится научное сообщество. Если я смогу навсегда избавиться от дурацкой мантии, то почувствую себя свободным человеком, – рассуждал Перри, уткнувшись в золотисто-каштановую макушку, которая уютно покоилась у него на плече.

Ответом ему было сочувственное мурлыканье.

– Твердить о Байроне, Китсе и Вордсворте кучке скучающих студентов, которые мечтают исключительно о том, чтобы получить степень, с кем-нибудь переспать и разбогатеть? Плавали – знаем. К черту.

Он решил повысить ставки.

– Я задержусь в этой стране лишь в том случае, если, черт побери, грянет революция.

Гейл, адвокат по профессии, энергичная молодая женщина, которую бог одарил привлекательной внешностью и острым язычком – что порой доставляло неприятности им обоим, – заверила, что ни одна революция не совершится без него.

Фактически оба были сиротами. Но если родители Перри при жизни предпочитали благородный христианский социализм и воздержание, то у Гейл была другая история. Ее отец, бесталанный актер, преждевременно скончался от пьянства, неумеренного курения и неутолимой любви к заблудшей жене. Миссис Перкинс, актриса, особа куда менее приятная, чем ее супруг, оставила семью, когда Гейл стукнуло тринадцать, и, по слухам, вела пасторальную жизнь в Коста-Брава с неким кинооператором.

Первоначальным желанием Перри, сразу после того как он бесповоротно решил (а решал он всегда бесповоротно) отрясти академическую пыль от ног своих, было вернуться к истокам. Единственный сын Доры и Альфреда пойдет по их стопам. Он станет учителем, начнет с того самого места, где его родители принуждены были остановиться.

Он перестанет изображать высоколобого интеллектуала, поступит на обыкновенные учительские курсы и, по примеру своих родителей, получит место в средней школе, в одном из беднейших округов.

Он будет преподавать базовые предметы и любые виды спорта, какие ему разрешат, будет работать с детьми, для которых учеба – единственный путь к самореализации, а не возможность пробиться в преуспевающий средний класс.

Гейл эти перспективы встревожили далеко не так сильно, как он ожидал. Помимо стремления оказаться в «гуще жизни», в неутомном характере Перри имелись и иные грани, с большинством из которых она была прекрасно знакома.

Она знала Перри – отчаянного студента Лондонского университета (именно там они познакомились); по примеру Томаса Эдварда Лоуренса, на каникулах он отправился во Францию со своим велосипедом и колесил по стране, пока не свалился от изнеможения.

³ Дон – преподаватель в Оксфорде и Кембридже.

Гейл знала Перри – альпиниста и искателя приключений, который не способен играть ни в одну игру, включая мини-регби на Рождество в компании племянников и племянниц, не испытывая при этом страстного желания победить.

Но знала она и Перри – тайного сибарита, который любил побаловать себя необыкновенно щедрыми подарками, прежде чем торопливо вернуться на свой чердак. Этот самый Перри сейчас стоял на лучшем теннисном корте, на курортном острове Антигуа, ранним майским утром – пока не стало слишком жарко для игры – напротив Димы. Гейл, в купальнике, мягкой широкополой шляпе и соблазнительном шелковом саронге, сидела среди малопривлекательной компании зрителей, сплошь с каменными лицами. Многие были одеты в черное, и все как будто дружно поклялись не улыбаться, не разговаривать и не выражать никакого интереса к матчу, который их вынудили смотреть.

С точки зрения Гейл, им повезло, что они запланировали карибское приключение до того, как Перри вдруг решил изменить свою жизнь. Начало было положено в том мрачном ноябре, когда его отец умер от рака – точно так же, как за два года до того умерла мать, – оставив Перри скромное состояние. Перри, отрицавший всякое унаследованное богатство, колебался и размышлял, не отдать ли деньги бедным. Но после изнурительной кампании, победу в которой одержала Гейл, они решили «раз в жизни» устроить себе теннисные каникулы и понежиться на солнце.

Ничего лучше нельзя было придумать, потому что, едва они приступили к осуществлению своих планов, им пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Как Перри жить дальше – и оставаться ли им вместе? Стоит ли Гейл бросать юриспруденцию и вместе с любимым человеком делать шаг в неизвестность – или лучше продолжать свою головокружительную карьеру в Лондоне? Может быть, настало время признать, что карьера у нее ничуть не более выдающаяся, чем у большинства молодых адвокатов, – в таком случае, вероятно, пора ей забеременеть, о чем не уставал твердить Перри.

И пусть даже Гейл, то ли из озорства, то ли из упрямства, старательно сворачивала все споры, неизменным оставался тот факт, что оба они стоят на жизненном перепутье, что им есть о чем подумать и что десять дней в Антигуа – идеальная возможность решить, как быть дальше.

Рейс задержали, и в итоге они приехали в отель лишь за полночь. Вездесущий мажордом Амброз проводил их в номер. Перри и Гейл встали поздно и позавтракали на балконе – к тому моменту стало уже слишком жарко для тенниса. Они искупались на полупустом пляже, в одиночестве перекусили у бассейна, лениво позанимались любовью, а в шесть вечера отправились в спортивный магазин – отдохнувшие, счастливые, готовые к игре.

Если смотреть издали, курорт представлял собой кучку коттеджей, разбросанных полукругом в пределах мили на знаменитом, белом как тальк, песке. Границы курорта обозначали два скалистых мыса, поросших низким лесом; между ними тянулся коралловый риф и вереница светящихся буйков, предназначенных для того, чтобы держать подальше любопытных яхтсменов. На неприметных террасах, устроенных на склонах холмов, находились знаменитые теннисные корты, где тренировались чемпионы. Здесь были пять кортов поменьше – и один большой, центральный. Узкая каменная лестница, извивавшаяся среди цветущего кустарника, вела к двери спортивного магазина. Шагнув за порог, гость оказывался в теннисном раю, – вот почему Перри и Гейл выбрали это место.

В зеленых холодильниках хранились мячи. В стеклянных витринах стояли серебряные кубки, с именами прошлогодних чемпионов, и Марк, массивный австралиец, был одним из них.

– На какой уровень ориентируемся, разрешите спросить? – поинтересовался он с грубоватой любезностью, окинув взглядом потрепанную ракетку Перри, его толстые белые носки и поношенные, но все еще годные теннисные туфли, а заодно – декольте Гейл.

Перри и Гейл – уже не юные, но по-прежнему в расцвете сил – были потрясающе красивой парой. Природа одарила Гейл длинными, изящными ногами и руками, маленькой крепкой грудью, гибким телом, белой кожей типичной англичанки, золотистыми волосами и улыбкой, способной рассеять любой мрак. Перри тоже был типичным англичанином – на мужской лад: худой и на первый взгляд нескладный, с длинной шеей и выпирающим кадыком, неуклюжей, разболтанной походкой и оттопыренными ушами. В школе его звали Жирафом – пока он не проучил того, кто имел неосторожность сказать это вслух. Повзрослев, Перри приобрел странное, но несомненное изящество – неосознанное, и оттого еще более разительное. Вдобавок он был обладателем кудрявой каштановой шевелюры, широкого веснушчатого лба и огромных глаз, в сочетании с очками придававших ему облик смущенного ангела.

Неизменно заботливая Гейл не позволила Перри сделать первый шаг самостоятельно – она взяла переговоры с Марком на себя.

– Перри прошел отборочный тур в клубе «Куинс» и, если не ошибаюсь, попал в основной состав. Стал настоящим профи. И это после того, как он сломал ногу, катаясь на лыжах, и полгода не играл, – с гордостью завершила она.

– А вы, мэм, прошу прощения? – подобострастно спросил Марк, чуть запнувшись на слове «мэм».

– Я новичок, – спокойно ответила Гейл, на что Перри отозвался:

– Чушь.

Австралиец щелкнул языком, недоверчиво покачал головой и принялся листать затрепанную книгу.

– Есть у меня одна пара, достойная составить вам компанию. Слишком высокий класс для других клиентов, вот что я скажу. Впрочем, не то чтобы у меня тут было из кого выбирать, честно говоря. Может, вы вчетвером неплохо развлечетесь.

В соперники им досталась молодая индийская пара из Мумбая. Центральный был занят, так что они удовольствовались пустующим кортом № 1. Несколько зевак и игроков с других кортов подошли посмотреть, как они разминаются – небрежно подают с задней линии, бьют укороченные, за которыми никто не бросается, или смеш, остающийся без ответа. Перри и Гейл выпало начинать, он уступил ей подачу, она совершила двойную ошибку, и они проиграли первый гейм. Индианка последовала дурному примеру. Игра шла спокойно.

Ситуация изменилась, когда подавать начал Перри. Первая подача была высокой и мощной, и принять ее не смог никто. Перри заработал четыре очка подряд. Толпа зрителей росла – игроки были молоды и красивы. Мальчики, подававшие мячи, как будто заново зарядились энергией. К концу первого сета Марк от нечего делать зашел посмотреть на игру и простоял три гейма, после чего, задумчиво нахмурившись, вернулся в магазин.

После долгого второго сета счет сравнялся. В третьем – и последнем – он достиг 4:3 в пользу Перри и Гейл. Но если Гейл предпочитала сдержанный стиль, то Перри развернулся в полную силу, и матч завершился сокрушительным поражением индийской четы.

Толпа разбрелась. Игроки задержались, чтобы обменяться комплиментами и договориться о реванше. Может, встретимся вечером в баре? Разумеется. Индийцы удалились, оставив Перри и Гейл собирать ракетки и свитера.

И тогда Марк вернулся на корт, приведя с собой мускулистого, широкогрудого, рослого, абсолютно лысого мужчину с золотыми часами «Ролекс» и в серых спортивных штанах, стянутых на поясе тесемкой, завязанной бантиком.

Почему Перри сначала заметил этот бантик, а потом уже все остальное, несложно объяснить. Он переобувался из старых, но удобных теннисных туфель в шлепанцы с веревочными подошвами, поэтому, когда его окликнули, он стоял, согнувшись пополам. Перри выпрямился – медленно, как это обычно делают высокие худые люди, – сначала увидев по-женски маленькие ступни широко расставленных ног, затем крепкие лодыжки, обтянутые серыми штанинами, потом тесемку, поддерживавшую штаны и завязанную ради пущей надежности двойным бантом.

Над тесемкой выпирал живот под тонкой ярко-красной рубашкой, которая облегла мускулистый торс, как будто не имеющий ничего общего с брюшком; далее – воротник, из тех, что в застегнутом виде напоминают воротничок священника. Впрочем, обладателю такой шеи в жизни не удалось бы его застегнуть.

Над воротничком была призывно склоненная набок голова. Добродушно поднятые брови, гладкие щеки пятидесятилетнего мужчины, проникновенный взгляд карих глаз и лучезарная улыбка. Полное отсутствие морщин отнюдь не наводило на мысль о житейской неопытности – скорее, наоборот. Перри, спортсмен и искатель приключений, счел бы такую внешность наиболее подходящей для человека, умудренного опытом, – лицо сформировавшейся личности, как он впоследствии сказал Гейл. Он мечтал однажды услышать эти же слова в свой адрес, но чувствовал, что, при всей своей мужественности, еще не достиг подобных высот.

– Перри, позвольте представить вам моего хорошего друга и покровителя, мистера Диму из России. – Подобострастный голос Марка звучал почти торжественно. – Дима считает, что вы отлично играете, – верно, сэр? Он прекрасно разбирается в теннисе, а потому наблюдал за вами с точки зрения профессионала, скажу без ложной скромности.

– Сыграем? – предложил Дима, не сводя извиняющегося взгляда карих глаз с Перри, который наконец неловко выпрямился в полный рост.

– Привет, – пропыхтел он, еще не отдышавшись как следует, и протянул потную ладонь. У Димы была рука располневшего ремесленника, украшенная татуировкой в виде звездочки на большом пальце. – А это Гейл Перкинс, и оба мы жалкие дилетанты, – добавил Перри, чувствуя необходимость слегка сбавить темп.

Прежде чем Дима успел ответить, Марк угодливо фыркнул в знак протеста.

– Дилетанты, Перри? Не верьте ему, Гейл. Вы первоклассно сыграли, честное слово. Удары слева были просто божественны – правда, Дима? Вы сами так сказали. Мы наблюдали из магазина.

– Марк говорит, ты играешь в «Куинсе», – сказал Дима, продолжая широко улыбаться. Голос у него был низкий, звучный, гортанный. Он говорил с легким американским акцентом.

– Играл несколько лет назад, – скромно ответил Перри, продолжая тянуть время.

– Дима недавно приобрел «Три трубы» – ведь так? – сообщил Марк, как будто эта новость могла подтолкнуть Перри к игре. – Самое красивое место на нашей стороне острова – да, Дима? Говорят, у него большие планы на эту землю. А вы, если не ошибаюсь, живете в «Капитане Куке» – по-моему, один из лучших коттеджей на нашем курорте.

Перри подтвердил.

– Значит, вы соседи – да, Дима? «Три трубы» аккурат по ту сторону залива, прямо напротив вас. Последний большой незастроенный участок на острове – но Дима собирается исправить упущение, да, сэр? Вроде бы планируется выпустить акции и предоставить льготы местным жителям – по-моему, очень достойная идея. А пока суд да дело, Дима, если не ошибаюсь, отдыхает и принимает у себя друзей и родственников практически в походных условиях. Я в восторге. Мы все в восторге. Для человека с вашими средствами – настоящий подвиг, вот что я скажу.

– Сыграем?

– Парную? – спросил Перри и с сомнением покосился на Гейл, избегая пристального взгляда Димы.

Но Марк, оседлав своего конька, не отступал.

– Спасибо, Перри, но, боюсь, никаких парных игр, – ловко вмешался он. – Дима играет только один – правда, сэр? Вы полагаетесь на собственные силы. Предпочитаете сами отвечать за свои ошибки – так вы мне говорили. Это ваши слова, и я принял их близко к сердцу.

Видя, что Перри разрывается между преданностью и искушением, Гейл поспешила на помощь:

– Не беспокойся обо мне. Если хочешь играть один – пожалуйста. Я не буду скучать.

– Перри, неужели вам не по душе предложение этого джентльмена? – упорно настаивал Марк. – Если бы я хотел заключить пари, то даже не знал бы, на кого из вас поставить, и это непреложный факт.

Дима ушел, слегка подволакивая левую ногу. Он что, хромой? Или просто за день массивное тело утомилось от собственной тяжести?

Не тогда ли Перри впервые заметил двоих мужчин, которые маячили без дела у калитки, ведущей на корт? Один – светловолосый, с младенческим лицом – стоял, заложив руки за спину, другой – бледный брюнет – скрестил их на груди.

Если и заметил, то подсознательно – так Перри утверждал десять дней спустя в разговоре с мужчиной по имени Люк и женщиной по имени Ивонн. Они, все четверо, сидели за овальным обеденным столом в подвале красивого викторианского особняка в Блумсбери.

От квартиры Гейл в Примроуз-Хилл их довезло черное такси – за рулем сидел огромный добродушный мужчина в берете и с серьгой, представившийся как Олли. Люк открыл гостям дверь, Ивонн стояла позади. Войдя в коридор, где пахло свежей краской, Перри и Гейл пожали руки хозяевам, Люк вежливо поблагодарил их за визит и повел вниз, в подвальную столовую: стол, шесть стульев и кухонный уголок. За полукруглыми матовыми окнами, прорезанными высоко в стене, на уровне тротуара, виднелись ноги прохожих.

Затем у Перри и Гейл забрали мобильники и предложили подписать обязательство о неразглашении государственной тайны. Гейл, как и положено юристу, прочла текст – и пришла в ярость.

– Через мой труп, – заявила она, но Перри, пробормотав «Какая разница?», нетерпеливо подписал бумагу. Гейл неохотно последовала его примеру, предварительно внеся от руки какие-то исправления. Подвал освещался одной-единственной тусклой лампой, висевшей над столом, от кирпичных стен слабо пахло старым портвейном.

Люк был изящный, чисто выбритый мужчина лет сорока пяти – по мнению Гейл, слишком миниатюрный. Шпионам надлежит быть покрупнее, сказала она себе с напускной веселостью, тщетно пытаясь успокоиться. Прямой осанкой, темно-серым пиджаком и маленькими завитками седеющих волос, торчащих над ушами, Люк напоминал жокея, нарядившегося в выходной костюм.

Ивонн же была чуть старше Гейл. На первый взгляд она могла показаться чопорной, но была по-своему красива, даже в образе «синего чулка». В скучном деловом костюме, с короткой темной стрижкой, без макияжа, Ивонн выглядела старше своего возраста и слишком серьезной для шпионки – опять же, с точки зрения насмешницы Гейл.

– Вы *действительно* не поняли, что это телохранители? – повторил Люк, переводя взгляд с Перри на Гейл. – И не говорили друг другу, когда остались одни, чего-нибудь вроде: «Странно, что у этого парня, Димы, кто бы он ни был, такая серьезная охрана»?

Неужели мы с Перри действительно так разговариваем? – удивилась про себя Гейл. А я и не знала.

– Несомненно, я заметил этих людей, – подтвердил Перри. – Но если хотите знать, раскусил ли я их, отвечу: нет. Скорее всего, я подумал: двое парней наблюдают за игрой... если я вообще о чем-нибудь подумал... – Он с глубокомысленным видом пощипал бровь длинными пальцами. – Я бы предположил, что трудно с первого взгляда определить телохранителей. Конечно, для вас это естественно, вы ведь возвращаетесь в этих сферах. Но обычному человеку такое и в голову не придет.

– А вы что скажете, Гейл? – с подчеркнутым уважением поинтересовался Люк. – Вы целый день проводите в зале суда и видите жестокий мир во всей его красе. У вас возникли какие-нибудь подозрения насчет этих людей?

– Если я их и заметила, то, скорее всего, решила, что парни на меня глазают, и не стала обращать на них внимания, – ответила Гейл.

Но Ивонн – типичную отличницу – это не удовлетворило.

– Но вечером, Гейл, обсуждая прошедший день...

Шотландка? Не исключено, подумала Гейл, которая гордилась своим тонким слухом и способностью различать акценты.

– ...неужели вы действительно не отметили ничего странного в двух посторонних людях, которые за вами наблюдали?

– Это был наш первый нормальный вечер в отеле, – отрезала Гейл в приступе нервного раздражения. – Перри заказал столик в «Палубе», на террасе над морем, и мы ужинали при свечах. Звезды, полная луна, древесные лягушки оглушительно квакают, лунная дорожка тянется почти до самого нашего столика. Вы правда думаете, что мы провели романтический вечер, обсуждая чьих-то там телохранителей? Что вы к нам прицепились, а? – Опасаясь, что ее слова звучат грубее, чем хотелось бы, Гейл дала задний ход: – Да, да, мы действительно упомянули Диму. Он из тех людей, которые так сразу не забываются. К тому же мы никогда раньше не знакомились с русскими олигархами. Перри себя поедом ел за то, что согласился с ним играть, он хотел позвонить Марку и отменить матч. Я сказала, что мне доводилось танцевать с такими, как Дима, и что обычно у них отменная техника. Перри моментально заткнулся – правда, дорогой?

Разделенные пропастью шириной в Атлантический океан, который они недавно перелетели, но благодарные за возможность облегчить душу перед двумя профессиональными слушателями, Перри и Гейл продолжали свой рассказ.

Без четверти семь на следующее утро Марк стоял, поджидая их, на верхней ступеньке лестницы, весь в белом, с запасом охлажденных теннисных мячей и стаканчиком кофе.

– Я чертовски боялся, что вы проспите, – взволнованно сказал он. – Все готово, не беспокойтесь. Гейл, как настроение? Выглядите изумительно, позвольте заметить. После вас, Перри, сэр... Ну и погода, а? Ну и погода.

Перри первым дошел до следующей площадки, где дорожка поворачивала влево. Свернув, он оказался лицом к лицу с теми самыми субъектами в коротких кожаных куртках, которые торчали возле корта накануне вечером. Они стояли по обе стороны цветочной арки, ведущей к центральному корту – с четырех сторон его огораживали брезентовые стенки и двадцатифутовая живая изгородь из гибискуса.

Увидев Перри, Марка и Гейл, светловолосый парень с младенческим лицом шагнул вперед и с бесстрастной улыбкой вытянул руки – классический жест человека, намеревающегося произвести обыск. Озадаченный Перри резко остановился метрах в трех, Гейл замерла у него за спиной. Когда мужчина сделал еще шаг, Перри отступил, потянув за собой Гейл, и воскликнул:

– Какого черта?!

Он обращался к Марку, поскольку ни светловолосый тип, ни его напарник как будто не расслышали вопроса – и уж точно не поняли.

– Служба безопасности, – ободряюще прожурчал тот, протиснувшись мимо Гейл. – Обычное дело...

Перри стоял неподвижно, слегка наклонив голову. Он пытался осмыслить услышанное.

– Какая служба безопасности? Не понимаю... А ты, Гейл?

– Я тоже не понимаю, – сказала она.

– Это охрана Димы, Перри. Чья же еще? Он большая шишка. Международного масштаба. Мальчики всего лишь выполняют приказ.

– Ваш приказ, Марк? – Перри укоризненно взглянул на него сквозь очки.

– Ну что за глупости, Перри! Не мой, а Димы. Это Димины телохранители, они всюду его сопровождают.

Перри взглянул на светловолосого.

– Вы, часом, не говорите по-английски? – спросил он. Младенческое лицо охранника осталось невозмутимым, разве что слегка напряглось.

– Видимо, не говорит. И, судя по всему, не слышит.

– Ради бога, Перри... – взмолился Марк, и его щеки побагровели. – Они всего лишь заглянут в вашу сумку – и вы пойдете дальше. Ничего личного. Я же сказал, обычное дело. Как в аэропорту.

Перри вновь обернулся к Гейл:

– Тебе есть что сказать?..

– Разумеется.

– Я пытаюсь вас правильно понять, Марк, – наставительным тоном произнес Перри. – Мой предполагаемый противник на корте, Дима, желает удостовериться, что я не собираюсь бросить в него бомбу. Вот что хотят сказать мне эти люди, не так ли?

– Мы живем в опасном мире, Перри. Может быть, вам об этом неизвестно – но мы-то в курсе и вынуждены приспособливаться. При всем уважении, я бы советовал вам подчиниться.

– Или, как вариант, я выну «Калашников» и вышибу ему мозги, – не унимался Перри, приподнимая теннисную сумку и изображая, будто там спрятано оружие. Из тени кустов выступил второй охранник и встал рядом с первым, но лица у обоих по-прежнему оставались совершенно бесстрастными.

– Вы делаете из мухи слона, да простится мне это сравнение, мистер Мейкпис, – запротестовал Марк, чья подобострастная вежливость под давлением дала трещину. – Вас ждет отличная игра. Ребята выполняют свой долг, и, на мой взгляд, делают это очень вежливо и профессионально. Честное слово, сэр, я не понимаю, в чем проблема.

– Проблема, – задумчиво повторил Перри, как будто начиная коллективное обсуждение со студентами. – Так давайте я объясню, в чем она. На мой взгляд, проблем здесь несколько. Во-первых, никто не полезет в мою сумку без разрешения – а я не собираюсь его давать. По той же причине никто не полезет в сумку этой леди. – Он указал на Гейл.

– Совершенно верно, – подтвердила она.

– Вторая проблема. Если ваш друг Дима думает, что я собираюсь его убить, зачем он тогда звал меня играть с ним в теннис? – Подождав ответа и не услышав ничего, кроме красноречивого пощелкивания языком, Перри продолжал: – Третья проблема. Насколько я понимаю, этот досмотр – односторонний процесс. Просил ли я разрешения заглянуть в сумку Димы? Нет. И не хочу. Возможно, вы сумеете это ему разъяснить, когда будете передавать мои извинения. Гейл, может быть, пойдём завтракать? Нас ждет замечательный шведский стол. Недаром же мы раскошелились.

– Отличная идея, – искренне согласилась Гейл. – Ты знаешь, я страшно проголодалась. Они развернулись и, не обращая внимания на мольбы Марка, уже шагали вниз по ступенькам, когда калитка, ведущая на корт, распахнулась и знакомый бас заставил их остановиться.

– Не убегайте, мистер Перри Мейкпис. Если хотите вышибить мне мозги, сделайте это ракеткой.

– Сколько лет вы бы ему дали, Гейл? – спросила Ивонн, делая аккуратную пометку в блокноте.

– Белобрысому? Двадцать пять максимум, – ответила та, пытаясь найти некую золотую середину между легкомысленным тоном и боязливым.

– Перри, как по-вашему?

– Тридцать.

– Рост?

– Ниже среднего.

Перри, милый, при твоём росте метр восемьдесят семь для тебя мы все – ниже среднего, подумала Гейл.

– Примерно метр семьдесят пять, – сказала она.

И очень короткая стрижка – на этом сошлись оба.

– А ещё золотой браслет-цепочка, – к собственному удивлению, вспомнила Гейл. – Однажды у меня был клиент с точно таким же браслетом. Говорил, если его совсем прижмут, он разорвет браслет на звенья и будет раздавать их в качестве взяток.

Рука Ивонн с благоразумно подстриженными, ненакрашенными ногтями пододвигает им через стол пачку газетных фотографий. На переднем плане – шестеро коренастых молодых людей в костюмах от «Армани» радостно приветствуют победившую на скачках лошадь и позируют перед объективом, высоко подняв бокалы с шампанским. На заднем плане виднеются рекламные щиты с кириллическими и латинскими надписями. А в дальнем углу слева, скрестив руки на груди, стоит светловолосый телохранитель, бритый почти наголо. В отличие от троих своих коллег, он обходится без темных очков. На левом запястье у него золотой браслет-цепочка.

Перри, кажется, доволен собой. А Гейл слегка мутит.

Глава 2

Гейл не понимала, почему вести разговор приходится в основном ей. Она прислушивалась к собственному голосу, эхом отдающемуся от кирпичных стен подвала, – так же, как во время бракоразводных процессов, на которых она в данный момент специализировалась: сейчас я изображаю праведное негодование, сейчас язвительное недоверие, а сейчас говорю точь-в-точь как моя непутевая матушка после второй порции джина с тоником.

Сегодня она время от времени улавливала в своем голосе неуместный трепет и тщетно силилась его подавить. Может, собеседники по ту сторону стола этого и не замечали, но себя-то не обманешь. И, судя по всему, Перри тоже, потому что он то и дело склонял голову набок, чтобы посмотреть на нее с тревогой и нежностью, хоть их и разделяло пространство в три тысячи миль. А иногда даже коротко пожимал ей руку под столом, после чего перехватывал нить разговора в ошибочном, но вполне понятном убеждении, что таким образом дает Гейл немного расслабиться. Однако в итоге все ее чувства начинали работать в скрытом режиме – и вырывались на поверхность, как только предоставлялась такая возможность, еще более бурно, чем прежде.

Перри и Гейл утверждали, что вошли на корт если не вальяжно, то, во всяком случае, без спешки. Они прошествовали по обсаженной цветами дорожке в сопровождении охранников, изображавших почетный караул. Гейл придерживала за край широкополую шляпу и покачивала бедрами.

– Я действительно немножко жеманничала, – призналась она.

– Да еще как! – воскликнул Перри, вызвав сдержанные улыбки по ту сторону стола.

Он вновь задумался, не отказаться ли от матча, но было поздно: он уже отступал от калитки, пропуская Гейл, и та прошла вперед с царственной неторопливостью, прозрачно намекая, что оскорбление, возможно, не достигло цели, но тем не менее не забыто. Вслед за Перри на корт проскользнул Марк.

Дима стоял посреди площадки, лицом к ним, протянув руки в приветственном жесте. На нем были мягкая синяя водолазка и длинные черные шорты. Зеленый козырек, похожий на клюв, торчал надо лбом, лысая голова блестела на утреннем солнце – Перри задумался, не смазана ли она маслом. Кроме инкрустированных драгоценными камнями часов, Дима щеголял причудливой золотой цепочкой, которая свисала с массивной шеи, – еще одно яркое пятно, своего рода отвлекающий маневр.

Но, к ее удивлению, подхватила Гейл, Дима был не один. На зрительской трибуне позади него разместилась весьма пестрая – и, на ее взгляд, очень странная – компания детей и взрослых.

– Точь-в-точь восковые куклы, – жаловалась она Люку и Ивонн. – Меня поразили не столько их наряды и присутствие на корте в безбожную рань – в семь утра! – сколько их ледяное молчание и угрюмый вид. Я села в нижнем ряду и подумала: господа, что это? Трибунал, церковное собрание или что?

Даже дети держались друг с другом холодно. Они немедленно завладели вниманием Гейл, эти дети. Она насчитала четверых.

– Две почти одинаковые девочки, примерно пяти и семи лет, в темных платьях и шляпках, сидели, притиснутые друг к дружке, рядом с полной чернокожей женщиной – видимо, няней, – вспоминала Гейл, твердо намеренная на сей раз не давать воли эмоциям. – Двое светловолосых, веснушчатых мальчиков-близнецов в спортивных костюмах. Все они выглядели такими подавленными, будто их пинками подняли с постели и притащили сюда в качестве наказания.

А что касается взрослых, то они были очень странные и *нездесьние*, как будто сошли с картинки, изображающей семейство Аддамс. Причина крылась не только в городских костюмах и прическах в стиле семидесятых. И не в том, что женщины, невзирая на жару, оделись как зимой. Дело было в общем унынии.

– Почему все молчат? – шепнула она Марку, который без приглашения уселся рядом.

Тот пожал плечами:

– Русские.

– Но русские вечно болтают!

Не тот случай, объяснил Марк. Почти все они прилетели день-два назад и еще не успели адаптироваться к карибскому климату.

– Там что-то случилось, – сказал он, кивком указывая на противоположную сторону залива. – По слухам, у них какое-то большое семейное сборище, причем не особо радостное. Не знаю уж, что там у этих людей с личной гигиеной, но система водоснабжения наполовину вышла из строя.

Гейл заметила двух полных мужчин – один, в фетровой шляпе, негромко говорил по мобильному телефону, а другой, в клетчатом шотландском берете с красным помпоном на макушке, сидел молча.

– Это двоюродные братья Димы, – объяснил Марк. – Все здесь друг другу родственники. Они приехали из Перми.

– Откуда?

– Пермь, в России. Такой город.

Чуть выше сидели светловолосые подростки-близнецы, жевавшие резинку с таким видом, как будто им все осточертело. Сыновья Димы, сказал Марк. Приглядевшись к ним внимательнее, Гейл и впрямь заметила фамильное сходство: широкая грудь, прямая спина, блудливые карие глаза, которые, в свою очередь, жадно уставились на нее.

Она сделала короткий быстрый вдох и расслабилась. Приближался вопрос, который в юридическом мире сочли бы решающим, – вопрос, предназначенный для того, чтобы немедленно обратиться к свидетелю в прах. С той разницей, что свидетелем на сей раз была она сама. Но, продолжая говорить, Гейл с облегчением поняла, что в ее голосе, отскакивающем от кирпичной стены, не слышится дрожи, запинок и прочих красноречивых сигналов.

– Скромно, в стороне от остальных – как будто нарочито в стороне – сидела очень красивая девочка лет пятнадцати-шестнадцати, с длинными угольно-черными волосами, в школьной форме – блузке и темно-синей юбке ниже колена. Она словно была ни с кем из присутствующих не связана. Поэтому я спросила у Марка, кто она такая. Естественно.

Естественно, с облегчением повторила про себя Гейл. По ту сторону стола никто и бровью не повел. Браво.

– Марк сказал: «Ее зовут Наташа. Едва распутившийся цветочек, простите мою вольность. Дочь Димы. Отец в ней души не чает. Тамара ей не мать».

Чем же занималась красавица Наташа, дочь Димы, но не Тамары, в семь утра, вместо того чтобы любоваться отцом, играющим в теннис? Читала какую-то книгу в кожаном переплете, которую держала перед собой, точно щит добродетели.

– Невероятно красивая девочка, – повторила Гейл. И, как бы вскользь, добавила: – *По-настоящему* красивая.

Она подумала: о господи, я говорю как лесбиянка, хотя всего лишь пытаюсь казаться равнодушной.

Но опять-таки ни Перри, ни Люк, ни Ивонн как будто ничего не заметили.

– А где здесь Тамара? – строго спросила Гейл у Марка, незаметно от него отодвигаясь.

– Двумя рядами выше, слева. Очень набожная дама, здесь ее прозвали Монашкой.

Гейл развернулась и не таясь посмотрела на худую, почти бесплотную женщину, с ног до головы в черном. Темные с проседью волосы были стянуты в пучок и повязаны лиловым шифоновым шарфом, рот с опущенными уголками, казалось, никогда не улыбался.

– А на груди огромный золотой православный крест – такой, с лишней перекладиной, – заявила Гейл. – Действительно, Монашка... – Подумав, она добавила: – Впечатляющая дама, однако. Из тех, на чьем фоне окружающие блекнут. – Ей мимоходом вспомнились родители-актеры. – Железная воля налицо. Даже Перри это почувствовал.

– Но не сразу, – возразил тот, избегая взгляда Гейл. – Задним умом все мы крепки.

А просто умом – не очень, да? – чуть не парировала она. Впрочем, радуясь тому, что ей удалось так ловко проскочить щекотливый вопрос о Наташе, Гейл решила не придирааться.

Что-то в поведении маленького, безукоризненно опрятного Люка упорно привлекало ее внимание – она постоянно, пусть и невольно, ловила его взгляд, и он делал то же самое. Поначалу она гадала, не гей ли он, но потом заметила, что он не сводит глаз с расстегнувшейся пуговицы на ее блузке. Гейл решила, что Люк обходителен, как всякий неудачник. Готов бороться до последнего, когда этот последний – он сам. До Перри у Гейл было много мужчин, и некоторым она говорила «да» исключительно по доброте душевной, просто чтобы повысить их самооценку. Люк напоминал ей этих бедолаг.

Разминаясь перед матчем с Димой, Перри, в отличие от Гейл, почти не обращал внимания на публику – так он сказал Люку и Ивонн, не отрывая взгляда от своих больших рук, лежащих ладонями вниз на столе. Он просто отметил присутствие зрителей, помахал им ракеткой и не получил никакой реакции в ответ. Перри был занят: надевал линзы, затягивал шнурки, мазался солнцезащитным кремом, переживал за Гейл, оставшуюся в обществе назойливого Марка, и прикидывал, скоро ли ему удастся победить и убраться отсюда. Да еще противник, стоя в трех футах от Перри, пристал как рыба-прилипала.

– Они тебе мешают? – серьезно спросил Дима вполголоса. – Мои болельщики. Если хочешь, я велю им уйти.

– Нет, конечно, – ответил Перри, еще не остывший после столкновения с охранниками. – Это ведь ваши друзья.

– Ты британец?

– Да.

– Англичанин? Валлиец? Шотландец?

– Англичанин.

Перри бросил на скамейку сумку – ту самую, в которую не позволил заглянуть охранникам – и выудил две повязки от пота, одну для запястья, другую для головы.

– Ты священник? – продолжал допрос Дима.

– Нет. А что, вам надо исповедоваться?

– Врач?

– О нет.

– Юрист?

– Просто играю в теннис.

– Банкир?

– Упаси господи, – с раздражением ответил Перри и покрутил в руках потрепанный козырек, а потом бросил его обратно в сумку.

На самом деле это было нечто большее, чем раздражение. Он чувствовал себя униженным – его унижил Марк и унизили бы охранники, если бы им позволили. Допустим, он не позволил, но их присутствия на корте – они, точно судьи, расположились с обеих сторон – было достаточно, чтобы Перри вскипел. И Дима упорно продолжал его злить – то, что он вынудил абсолютно посторонних людей прийти сюда в семь утра, лишь усугубило обиду.

Дима сунул руку в карман длинных шортов и извлек серебряную полудолларовую монетку с изображением президента Кеннеди.

– Знаешь что? Дети говорят, мне какой-то шарлатан заколдовал эту монетку, чтобы я всегда выигрывал, – признался он, кивком лысой головы указывая на веснушчатых подростков на трибуне. – Когда жребий за мной, мои собственные дети считают, что я жульничаю. У тебя есть дети?

– Нет.

– Думаешь завести?

– Когда-нибудь.

Иными словами, не лезь не в свое дело.

– Выбери.

«Жребий», мысленно повторил Перри. Человек, который говорит на посредственном английском с нью-йоркским акцентом, знает слово «жребий». Перри выбрал решку, проиграл и услышал насмешливый возглас с трибуны – первый признак интереса, который удалось выказать кто-то из зрителей. Опытным взглядом преподавателя он посмотрел на сыновей Димы – они прыскали в ладони. Дима взглянул на солнце и предпочел теневую сторону корта.

– Что у тебя за ракетка? – спросил он, прищурив свои внимательные карие глаза. – Какая-то подозрительная. А, плевать, все равно я выиграю... – Шагая по корту, Дима вдруг добавил: – Девушка у тебя что надо. Дорогого стоит. Но лучше женись на ней поскорее.

Каким образом этот тип узнал, что мы не женаты? – в ярости подумал Перри.

Он заработал четыре очка подряд на подаче, как и во время матча с индийской четой, а затем выбил мяч в аут – но какая разница?

Отвечая на подачу Димы, Перри выбрал тактику, которую позволял себе только со слабыми противниками. Он стоял прямо, почти касаясь пальцами ног линии подачи, принимал мяч сразу после отскока и посылал его через весь корт под углом или вбивал в землю неподалеку от того места, где торчал, скрестив руки на груди, светловолосый охранник. Но прошел этот номер всего пару раз, а потом Дима раскусил подвох и заставил Перри отступить к задней линии.

– И тогда, кажется, я слегка остыл, – подытожил Перри, мрачно усмехаясь и проводя по губам тыльной стороной запястья.

– Перри пер на него танком, – заметила Гейл. – Но Дима – отличный спортсмен. Просто удивительно для его роста, веса и возраста. Правда, Перри? Ты сам так сказал. Ты сказал, что он попирает закон тяготения. И при этом ничуть не задирает нос. Славный парень.

– Он не прыгал за мячом, а как будто летал, – согласился Перри. – И да, Дима хороший партнер, ничего не скажешь. Я думал, будут скандалы и споры насчет заступов – но ничего подобного. С ним действительно было приятно играть. Хитрый, как черт. Медлил с ударом буквально до самой последней секунды.

– А ведь он хромал, – взволнованно встала Гейл. – Дима предпочел играть на склоне, чтобы было удобнее – правда, Перри? Он все время держался очень прямо, как будто кол проглотил. И на колене у него была повязка. И все-таки он порхал!

– Ну, мне пришлось немного придержать, – сказал Перри, неловко пощипывая бровь. – Честно говоря, когда мы разыгрались, он стал пыхтеть как паровоз.

Но, несмотря на усталость, Дима как ни в чем не бывало продолжал допрашивать Перри в промежутках между геймами.

– Ты большой ученый? Если что, взорвешь к черту весь мир? – спросил он, отхлебнув воды со льдом.

– Нет, вовсе нет.

– Чиновник?

Эта игра в угадайку начинала утомлять.

– Нет, я преподаватель, – ответил Перри, очищая банан.

– То есть... ты студентов учишь? Профессор, что ли?

– В яблочко. Я учу студентов. Но я не профессор.

– Где?

– Сейчас – в Оксфорде.

– В *том самом* университете?

– Точно.

– И что ты преподаешь?

– Английскую литературу, – ответил Перри, не желая признаваться абсолютно постороннему человеку, что будущее у него весьма туманное.

Но любопытство Димы не знало границ.

– Слышь, а Джека Лондона знаешь? Самый известный английский писатель.

– Лично не знаком.

Дима явно не понял шутки.

– И тебе он нравится?

– Просто обожаю.

– А Шарлотта Бронте? Тоже нравится?

– Очень.

– Сомерсет Моэм?

– Чуть меньше.

– У меня все их книги есть. Полным-полно. На русском. Шкафы битком набиты.

– Прекрасно.

– Ты читал Достоевского? Лермонтова? Толстого?

– Конечно.

– У меня они тоже есть. Все лучшие писатели. И Пастернак. Знаешь что? Пастернак написал про мой родной город. Назвал его Юрятин. На самом деле это Пермь. Пастернак, блин, назвал его Юрятин – хрен знает почему. Писатели так всегда делают, они чокнутые. Видишь мою дочь? Ее зовут Наташа, ей плевать на теннис, она книжки любит. Эй, Наташа, поздоровайся с Профессором.

Неторопливо и рассеянно, явно намекая, что ей помешали, Наташа подняла голову и отвела волосы с лица. Перри только успел подивиться ее красоте, а девушка уже вновь погрузилась в чтение.

– Стесняется, – объяснил Дима. – Не любит, когда я ей кричу. Видишь книжку? Это Тургенев. Известный русский писатель. Мой подарок. Она хочет книжку – я покупаю. Ладно, Профессор, твоя подача.

– И с тех пор я стал Профессором. Сто раз ему говорил, что я не профессор, но он не слушал, поэтому я сдался. Через пару дней меня весь отель звал Профессором. Чертовски странно это слышать, особенно когда ты решил вовсе бросить преподавание.

Меняясь сторонами при счете 5:2, Перри с облегчением заметил, что Гейл отделалась от настырного Марка и уселась на верхней скамейке, меж двух маленьких девочек.

Игра шла в хорошем темпе, сказал Перри Люку. Не самый лучший его матч, но тем не менее – по крайней мере, пока он играл вполсилы – смотреть было весело и интересно (если предположить, что зрители пришли сюда развлечься, в чем Перри сомневался: все собравшиеся, кроме близнецов, сидели как на молитвенном собрании). «Играть вполсилы» в представлении Перри значило не набирать темп, принимать мячи, идущие на вылет, и отбивать, не особенно заботясь о том, где приземлится мяч. Учитывая разницу между противниками

– в возрасте, опыте и подвижности, если уж говорить честно, – которая теперь стала очевидна, единственной заботой Перри было сыграть достойно, не лишиться Диму самоуважения и наконец позавтракать с Гейл. По крайней мере, так он думал до тех пор, пока они вновь не поменялись сторонами. Дима цепко ухватил его за плечо и сердито прорычал:

– Ты, мать твою, меня обижаешь, Профессор.

– Что-что?

– Тот мяч шел на вылет. Ты это видел, но все-таки его взял. Думаешь, я старый жирный сукин сын? Думаешь, я тут сдохну, если ты не будешь меня жалеть?

– Мяч попал бы на линию.

– Профессор, если мне что-то надо, то я, блин, это получу. И не смей со мной нежничать, ты слышал? Хочешь поставить тысячу баксов? Чтоб было поинтереснее.

– Нет, спасибо.

– Пять тысяч?

Перри рассмеялся и покачал головой.

– Струсил, да? Струсил, поэтому не хочешь пари.

– Наверное, вы правы, – согласился Перри, все еще ощущая хватку Димы на левом плече.

– Британия побеждает!

Крик разнесся над кортом и замер. Близнецы нервно рассмеялись в ожидании взрыва. До сих пор Дима терпел их выходки. Теперь он решил, что с него хватит. Положив ракетку на скамью, он поднялся на трибуну, подошел к мальчишкам и ткнул пальцем чуть ли не в самые их физиономии.

– Хотите, чтоб я снял ремень и вас выдрал? – поинтересовался он по-английски – вероятно, ради Перри и Гейл.

Один из мальчиков ответил на английском – произношение у него было куда правильнее, чем у отца:

– На тебе нет ремня, пап.

Это было последней каплей. Дима с такой силой ударил сына по щеке, что тот чуть не свалился со скамьи. За первым ударом последовал второй, столь же громкий – близнецы получили поровну. Гейл невольно вспомнила, как ее амбициозный старший братец однажды отправился охотиться на фазанов со своими богатыми друзьями. Гейл терпеть не могла эту забаву. Но в тот день она была рядом с братом, когда он уложил по фазану «справа и слева» – то есть из обоих стволов.

– Меня поразило, что они даже не попытались уклониться. Просто стерпели, – сказал Перри, сын учителя.

Но самым странным, по словам Гейл, было то, что сразу после этого возобновилась дружеская беседа.

– Хотите, чтоб Марк поучил вас играть в теннис после матча? Или пойдете домой с мамой учить закон Божий?

– Теннис, папа, – сказал один из близнецов.

– Тогда не галдите тут, иначе никакого мраморного мяса на ужин. Хочешь вечером мраморное мясо?

– Конечно!

– А ты, Виктор?

– Да, папа.

– Тогда, если охота пошуметь, хлопайте вон Профессору, а не вашему бестолковому папе.

Дима по очереди заключил сыновей в медвежьи объятия, и матч продолжился без дальнейших инцидентов.

Потерпев поражение, Дима вел себя до неприличия подобострастно. Он не просто был любезен – он проливал слезы восхищения и благодарности. Сначала он прижал Перри к своей могучей груди – тот был готов поклясться, что она каменная – и троекратно расцеловал по русскому обычаю. Тем временем по лицу Димы – на шею Перри – продолжали градом катиться слезы.

– Честно играешь, Профессор, слышь? Настоящий английский джентльмен, как в книжках. Ты мне нравишься, слышь? Гейл, идите сюда. – Он обнял ее еще более почтительно – и, слава богу, осторожно. – Вы уж позаботьтесь об этом сукином сыне, Профессоре, слышите? В теннис он играет классно. Ей-богу, настоящий джентльмен, профессор честной игры, слышите? – Дима повторял это, как некое заклинание собственного изобретения.

Затем он отвернулся и раздраженно зарывал что-то в мобильный телефон, который поднес ему светловолосый охранник.

Зрители медленно покидали корт. Девочки захотели обнять Гейл на прощание, и та охотно подчинилась. Один из сыновей Димы, проходя мимо Перри, лениво произнес с американским акцентом: «Круто играешь, старик». Щека у него все еще была красной после удара. Красавица Наташа влилась в процессию, с книгой в руке. Большим пальцем она заложила книгу на том месте, где ей пришлось прерваться. Замыкала шествие, под руку с мужем, Тамара, ее огромный православный крест сверкал на солнце. После утомительной игры Димина хромота стала еще заметнее. Он шел, точно в бой, расправив плечи, выпятив грудь и задрав подбородок. Под бдительным надзором телохранителей русские спускались по извилистой, выложенной камнем тропинке. Позади отеля ждали три микроавтобуса с черными окнами. Марк покинул корт последним.

– Прекрасная игра, сэр, – сказал он, похлопав Перри по плечу. – Просто блеск. Но над ударами слева нужно немного поработать, вы уж меня простите. Может, потренируемся?

Стоя бок о бок, Гейл и Перри молча наблюдали за тем, как кортеж движется по бугристому серпантину и исчезает среди кедров, скрывавших «Три трубы» от любопытных глаз.

Люк поднимает глаза от своих записей. Словно по команде, Ивонн делает то же самое. Оба улыбаются. Гейл пытается избежать взгляда Люка, но тщетно – он смотрит прямо на нее.

– Итак, Гейл, – бодро говорит он, – ваша очередь, если не возражаете. Марк вам документал. Но в то же время, судя по всему, он настоящий клад информации. Что еще интересного вы можете рассказать нам о Диме и его семействе? – Люк дергает маленькими ручками, словно подгоняет лошадь.

Гейл косится на Перри – сама не зная зачем. Тот отводит глаза.

– Он такой скользкий тип, – жалуется Гейл, выражая скорее недовольство Люком, нежели Марком, и морщится, как будто съела нечто отвратительное.

Марк едва успел устроиться рядом с ней на скамье, как тут же затянул привычную песню о том, какой богач этот его русский друг. По словам Марка, «Три трубы» – лишь одно из Диминых поместий. У него, мол, есть недвижимость и на Мадейре, и в Сочи, на берегу Черного моря.

– И дом в пригороде Берна, – продолжала Гейл, – где находится его фирма. Но он предпочитает странствовать. Проводит часть года в Париже, часть – в Москве, часть – в Риме. Так говорил Марк... – Она увидела, что Ивонн делает очередную пометку. – Но основное место жительства Димы или, по крайней мере, его детей, – это Швейцария; они учатся в каком-то

интернате для детей миллионеров, в горах. Еще Марк говорил о некоей «компании». Утверждал, что Дима ею владеет. Она зарегистрирована на Кипре. А еще – банки. Несколько банков. Крупный бизнес. Именно это в первую очередь и привело Диму на остров. На Антигуа четыре русских банка, по словам Марка, и один украинский. На самом деле это всего лишь латунные таблички в торговых центрах да телефон на столе у местного юриста. На одной из таких табличек значится имя Димы. «Три трубы» он купил за наличные. Если верить Марку, отель одолжил ему даже не чемоданы, а целые корзины наличных. Жуть какая-то! Двадцатидолларовыми банкнотами, не пятидесятидолларовыми. Пятьдесят баксов – слишком рискованно. Дима приобрел дом, заброшенную сахарную фабрику и полуостров, на котором стоит то и другое.

– Марк называл сумму? – подал голос Люк.

– Шесть миллионов долларов США. И теннис – тоже не просто удовольствие. По крайней мере, это не основное его назначение, – продолжала Гейл, сама удивляясь, как много она помнит из монолога Марка. – Теннис в России – несомненный показатель статуса. Если русский хвалится, что играет в теннис, это значит, что он богат до неприличия. Благодаря великолепным урокам Марка Дима выиграл в Москве какой-то кубок, так что все рты раскрыли. Но он не должен об этом рассказывать: Дима предпочитает считать, что сам всего добился. Марк сделал для меня исключение лишь потому, что полностью мне доверяет. А если я как-нибудь загляну к нему в магазин, то в маленькой уютной комнатке наверху мы могли бы продолжить разговор...

Люк и Ивонн сочувственно улыбнулись, Перри – нет.

– А Тамара? – спросил Люк.

– Марк сказал, что она «Богом ушибленная». А по мнению местных – просто сумасшедшая. Не купается, не ходит на пляж, не играет в теннис, не разговаривает с собственными детьми – разве что о Боге, – Наташу вообще игнорирует, почти ни с кем не общается, разве что с Элспет, женой Амброза. Элспет работает в туристической фирме, но когда приезжает Дима с семьей, она бросает все и бежит помогать мужу. По слухам, одна из горничных недавно позаимствовала что-то из Тамариных украшений, чтобы надеть на танцы; Тамара застучала ее, прежде чем девушка успела положить вещь на место, и укусила за руку так сильно, что пришлось наложить двенадцать швов. Марк говорит, что на месте пострадавшей потребовал бы заодно и прививку от бешенства.

– А теперь, Гейл, пожалуйста, расскажите о тех девочках, которые сели рядом с вами, – попросил Люк.

Ивонн играла роль прокурора, Люк изображал ее помощника, а Гейл сидела на свидетельском месте, стараясь не утратить самообладания, – именно это она советовала своим подопечным, угрожая в противном случае отлучением.

– Девочки уже сидели наверху, Гейл, или они подбежали к вам, как только увидели? – спросила Ивонн, покусывая карандаш и изучая свои пометки.

– Они сами поднялись ко мне. Не бегом, а шагом.

– Смеялись? Улыбались? Шалили?

– Ни единой улыбки. Ни намека на улыбку.

– Может быть, девочек отправил к вам тот, кто должен был за ними присматривать?

– Они пришли исключительно по собственной инициативе. Таково мое мнение.

– Вы уверены? – настойчиво уточнила Ивонн. Ее шотландский акцент усилился.

– Я видела, как это было. Марк начал со мной заигрывать, поэтому я поднялась наверх, чтобы оказаться как можно дальше от него. На той скамейке не было никого, кроме меня.

– Где в ту минуту сидели малышки? Ниже? На том же ряду? Где?

Гейл сделала вдох, чтобы собраться с мыслями, и ответила взвешенно, четко:

– «Малютки» сидели во втором ряду, по обе стороны от Элспет. Старшая обернулась и посмотрела на меня, потом заговорила с Элспет. Нет, я не слышала ее слов. Элспет тоже обернулась и посмотрела на меня, потом кивнула. Тогда девочки посовещались друг с дружкой, встали и пошли наверх. Не бегом. Медленно.

– Не давите на нее, – сказал Перри.

Свидетельство Гейл звучало весьма расплывчато. Так казалось и ей самой – профессиональному адвокату – и, несомненно, Ивонн. Да, девочки подошли к ней. Старшая сделала реверанс – должно быть, научилась на уроках танцев – и очень серьезно спросила по-английски, с легким иностранным акцентом:

– Можно сесть с вами? Пожалуйста, мисс.

Гейл рассмеялась и сказала:

– Конечно, мисс.

Девочки сели по бокам, по-прежнему без единой улыбки.

– Я спросила у старшей, как ее зовут. Шепотом, потому что все вокруг молчали. Она сказала: «Катя». Я спросила: «А как зовут твою сестренку?», и она ответила: «Ира». Ира повернулась и уставилась на меня так, будто я допытываюсь о чем-то очень личном, – я страшно удивилась, откуда такая враждебность. Я спросила обеих: «Ваши мама и папа здесь?» Катя энергично помотала головой, Ира вообще не отреагировала. Мы посидели молча. Вот уж не думала, что дети могут молчать так долго. Я решила: может быть, им запрещают болтать во время теннисных матчей. Или разговаривать с посторонними. А может, они больше ничего не знают по-английски, или у них аутизм, или они умственно отсталые.

Гейл прервалась, ожидая одобрения или вопроса, но две пары внимательных глаз оставались непроницаемы. Перри сидел рядом, склонив голову набок; от кирпичных стен пахло как от ее покойного отца-алкоголика. Гейл мысленно набрала полные легкие воздуха, точно ныряльщик перед прыжком.

– В перерыве я попробовала еще раз: «Где ты учишься, Катя?» Катя покачала головой, Ира тоже. Они вообще не ходят в школу? Нет, ходят, но не сейчас. Они учились в Британской международной школе в Риме, но больше там не учатся. Никаких объяснений – да я их и не просила. Не хотелось показаться назойливой, но меня терзало какое-то смутное нехорошее ощущение. Значит, вы живете в Риме? Уже нет, сказала Катя. Так это там вы научились так здорово говорить по-английски? Да. В школе можно было выбрать английский или французский. Английский лучше. Я указала на двух подростков – сыновей Димы. Это ваши братья? Девочки помотали головами. Кузены? Да, почти кузены. Почти? Да. Они тоже учатся в международной школе? Да, только не в Риме, а в Швейцарии. А вон та красивая девочка, которая с головой ушла в книгу, – она тоже кузина? Снова ответила Катя, и ее слова прозвучали как признание на допросе: «Да, Наташа наша кузина... почти». Опять «почти». И ни одной улыбки. Зато Катя трогала мой шелковый саронг, как будто раньше никогда не видела шелка.

Гейл сделала глубокий вдох. Ничего страшного, твердила она себе. Это лишь вступление. Подождите до завтра – вас ждет пятиактная драма с ужасами. Задним умом все крепки.

– Потрогав шелк, она положила голову мне на плечо и закрыла глаза. Светская беседа прервалась минут на пять. Ира, которая сидела с другой стороны, последовала примеру сестры и схватила меня за руку ловкими сильными пальчиками. Она буквально вцепилась в меня, прижалась лбом к моей ладони, как будто хотела, чтобы я проверила, нет ли у нее температуры. Щеки у девочки были мокрые, и я поняла, что она плачет. Потом Ира выпустила мою руку, а Катя пояснила: «Она иногда плачет, это нормально». Вскоре игра закончилась, и Элспет бегом поднялась к нам, чтобы забрать детей. Мне очень хотелось завернуть Иру в подол и забрать домой, желательно вместе с Катей, но поскольку сделать этого я не могла,

и к тому же понятия не имела, отчего она расстроилась, и вообще ничего о них не знала... на том все и кончилось.

На самом деле ничего, разумеется, не кончилось. Только не на Антигуа. История развивалась своим чередом. Перри Мейкпис и Гейл Перкинс наслаждались лучшим отпуском в своей жизни – именно так, как они пообещали друг другу в ноябре. Чтобы напомнить себе о том, как она была счастлива, Гейл прокрутила в уме полный список удовольствий.

В десять часов, после тенниса, вернулись в номер, чтобы Перри мог принять душ.

Занялись любовью (прекрасно, мы до сих пор на это способны). Перри ничего не делает кое-как. Все его внимание неизменно сосредоточено на чем-нибудь одном.

Полдень или чуть позже. Опоздали на завтрак по уважительной причине (см. выше), искупались в море, пообедали у бассейна, вернулись на пляж, потому что Перри непременно хотел обставить меня в шаффлборд.

В четыре часа вернулись с торжествующим Перри в коттедж – и почему он хоть разок не даст девушке выиграть? Вздремнули, почитали, снова занялись любовью, опять вздремнули, потеряв счет времени. Допили вино из мини-бара, сидя на балконе в халатах.

Восемь вечера. Решили, что одеваться лень, и заказали ужин в номер.

Лучшие в жизни каникулы еще продолжались. Мы все еще нежились в раю и жевали чертово яблоко.

Около девяти принесли ужин – его вкатил на тележке не какой-нибудь официант, а почтенный Амброз собственной персоной, и с собой у него, помимо скверного калифорнийского вина, которое мы заказали, покрытая изморозью бутылка винтажного шампанского в серебристом ведерке со льдом (триста восемьдесят долларов плюс налог), два матовых бокала, тарелка аппетитных канапе, две камчатные салфетки и заготовленная речь, которую он выкрикивает, выпатив грудь и вытянув руки по швам, точно полицейский в зале суда.

– Эту бутылку отменного шампанского шлет вам не кто иной, как мистер Дима лично. Мистер Дима велит поблагодарить вас за... – Амброз извлек из кармана рубашки записку и очки, – я цитирую: «Профессор, от всей души благодарю вас за прекрасный урок великого искусства игры в теннис и за то, что вы английский джентльмен. И спасибо, что сэкономили мне пять тысяч долларов». Также мистер Дима просит от его лица выразить восхищение прекрасной мисс Гейл. Вот что он хотел сказать.

Мы выпили пару бокалов и решили прикончить бутылку в постели.

– А что такое «мраморное мясо»? – в какой-то момент спрашивает Перри.

– Трогал когда-нибудь девушке животик?

– Даже помыслить о таком не могу, – отвечает он – угадайте чем занимаюсь?..

– Молодые телочки, – объясняю я. – Их поят sake и лучшим пивом. Каждый вечер массируют живот, чтобы должным образом подготовить к бойне. Эта технология – интеллектуальная собственность, – добавляю я, хотя сомневаюсь, что Перри слушает. – Мы возбудили против них дело и выиграли.

Я засыпаю, и мне снится пророческий сон, черно-белый, как пленки сороковых годов. Я в России, где с маленькими детьми случаются всякие беды.

Глава 3

Над Гейл сгущаются тучи – и в подвале тоже заметно потемнело. День меркнет, и тусклая лампа на потолке, над столом, горит все слабее, а кирпичные стены сделались черными. Шум транспорта на улице затихает, и мимо матовых окон все реже мелькают ноги прохожих. Массивный, добродушный Олли, уже без берета, принес четыре чашки чаю и тарелку печенья и исчез.

Хотя это тот же самый Олли, который недавно вез их в черном такси от дома Гейл, становится понятно, что он не настоящий таксист, несмотря на значок, приколотый к широкой груди. Олли, по словам Люка, «удерживает нас на узкой тропе добродетели», но Гейл сомневается. Шотландская кальвинистка не нуждается в наставнике-моралисте, а что касается жокея с блудливым взглядом и обаянием истинного джентльмена – то ему уже слишком поздно.

И потом, Олли, по мнению Гейл, для настоящего слуги чересчур редко попадаетея на глаза. Также ее озадачивает его сережка – это сексуальный сигнал или просто украшение? И голос – когда Олли разговаривал с ними через домофон на Примроуз-Хилл, Гейл решила, что он стопроцентный кокни. Но когда в такси он принялся болтать об отвратительной погоде в мае – «и это после такого дивного апреля, господи, да ведь все цветы полегли от вчерашнего ливня!» – Гейл уловила иностранные интонации, и вдобавок шофера начал подводить синтаксис. Какой же язык ему родной? Греческий? Турецкий? Иврит? Или голос, как и сережка, – это трюк, к которому Олли прибегает, чтобы дурачить простаков?

Гейл жалеет, что подписала дурацкий договор о неразглашении. И что это сделал Перри. Он не просто подписал – он охотно вступил в игру.

В пятницу молодая индийская чета собиралась покинуть Антигуа. Поэтому они договорились сыграть пять сетов вместо обычных трех – и в результате снова пропустили завтрак.

– Тогда мы решили пойти искупаться и, может быть, перекусить на пляже, если проголодаемся. Мы отправились в наиболее людный конец пляжа – обычно мы там не бывали, но нам приглянулся бар «Кораблекрушение».

Гейл хорошо знаком этот спокойный голос. Перри – английский учитель. Факты и короткие фразы. Никаких абстракций. Пусть история разворачивается как бы сама собой.

На пляже они устроились под зонтиком и разложили вещи, рассказывает Перри. Они направлялись к воде, когда под табличкой «Парковка запрещена» остановился микроавтобус с затемненными стеклами. Сначала из машины появился белобрысый телохранитель, затем – один из зрителей пресловутого матча, тот, что в шотландском берете с помпоном. На сей раз он был в шортах и желтой кожаной жилетке, но берет и теперь торчал на макушке как прибитый. За ним вылезла Элспет, жена Амброза, потом – резиновый крокодил с разинутой пастью и, наконец, Катя, перечисляет Перри, щеголяя своей прекрасной памятью. Вслед за Катей показался огромный красный мяч, на котором была нарисована улыбающаяся рожица. Мяч принадлежал Ире, одетой, как и сестра, в пляжное платье.

Последней вышла Наташа, говорит Перри – а значит, пора вступить Гейл. *Наташа – моя забота, не твоя.*

– Она показалась лишь после драматической паузы, когда мы уже решили, что в машине больше никого не осталось, – подхватывает Гейл. – В эффектном наряде: китайская шляпа, похожая на абажур, шелковое платье с деревянными пуговицами, греческие сандалии с ремешками на лодыжках. И с неизменным томиком в кожаном переплете. Осторожно

пройдя по песку – чтобы все видели, – она уселась в томной позе под самым дальним зонтиком и с убийственно серьезным видом погрузилась в чтение. Правильно, Перри?

– Раз ты так говоришь... – неловко отзывается тот и откидывается на спинку стула, как бы пытаясь отмежеваться от Гейл.

– Да, говорю. Но самое странное, самое жуткое, – резким тоном продолжает Гейл, как только Наташа, слава богу, остается позади, – это то, что все, дети и взрослые, действовали словно по сценарию.

Белобрысый охранник зашагал к бару за банкой рутбира, которую растянул на два часа, говорит Гейл, не желая упускать инициативу. Человек в берете – если верить Марку, один из многочисленных Диминых кузенов из Перми (такой город в России), – невзирая на свои внушительные размеры, вскарабкался по шаткой лесенке на спасательную вышку, вытащил из недр жилета спасательный круг, надул его и уселся – возможно, он страдал геморроем. Девочки с резиновым крокодилом и мячом и пышнотелая Элспет с объемистой корзиной побрели по песчаному склону, где устроились Перри и Гейл.

– Они *шли*. – Гейл вновь подчеркивает это слово, ради Ивонн. – Не бежали, не прыгали, не кричали. Шли, оставаясь такими же сдержанными, как и на теннисном корте. Ира хмурилась и держала палец во рту. Катя равнодушным, механическим голосом попросила: «Пожалуйста, поплавайте с нами, мисс Гейл». Я сказала – наверное, чтобы слегка разрядить атмосферу: «Мисс Катя, мы с мистером Перри почтем за честь искупаться с вами». И мы пошли купаться. Так? – обращается она к Перри.

Тот кивает в знак согласия и берет Гейл за руку. Непонятно, хочет ли он таким образом поддержать ее или успокоить, но результат, в любом случае, достигнут: она вынуждена закрыть глаза и подождать несколько секунд, прежде чем уступить новому приливу эмоций.

– Все было спланировано заранее. Мы это знали. Дети тоже. Но уж кому-кому, а этим малышам было совершенно необходимо поплескаться с крокодилом и большим мячом, правда, Перри?

– Истинная правда, – охотно подтверждает тот.

– Ира ухватила за мою руку и буквально потащила в воду. Катя и Перри шли следом, с крокодилом. И я все время думала: где же их родители и почему вместо них с детьми купаемся мы? Я не стала уточнять у Кати. Наверное, догадывалась, что вопрос может оказаться болезненным. Например, папа и мама развелись, или что-нибудь такое. Поэтому я спросила, что это за милый джентльмен в берете, который сидит на вышке. Дядя Ваня, сказала Катя. Прекрасно. Кто такой дядя Ваня? Просто дядя. Из Перми? Да. Никаких дальнейших объяснений. Как и в тот раз: «Мы больше не ходим в школу в Риме». Я верно излагаю, Перри?

– Без единой ошибки.

– Тогда я продолжу.

Солнце и море сделали свое дело, по словам Гейл.

– Девочки плескались и прыгали, а Перри изображал Посейдона и восставал из морских глубин, рыча, как настоящее чудовище, – честное слово, милый, это было впечатляюще, признай.

Потом, уставшие, они вышли на берег – девочки обсохли и оделись, и Элспет намазала их солнцезащитным кремом.

– Но буквально через несколько секунд они вернулись к нам и уселись на моем полотенце. Одного взгляда на их лица было достаточно, чтобы понять, что грусть никуда не делась, просто ушла вглубь. Я подумала, что мороженое и шипучка спасут положение, и сказала: Перри, выполняй свой мужской долг. Так, Перри?

«Шипучка?» – повторяет она про себя. Почему я снова выражаюсь, как моя матушка, черт возьми? Потому что я – точно такая же неудавшаяся актриса, которая говорит чем дольше, тем громче.

– Так, – с запозданием подтверждает Перри.

– И ты пошел за угощением. Карамельно-ореховые рожки для всех и ананасовый сок для девочек. Но когда Перри хотел подписать чек, бармен сказал, что все оплачено. Кем же? – тараторит Гейл с той же напускной веселостью. – Ваней! Добрым толстым дядюшкой, который сидит на вышке. Но Перри – это же Перри, он не мог с этим смириться, ведь так?

Неловкий кивок говорит о том, что Перри вне пределов досягаемости, но тем не менее вполне согласен.

– Он патологически не способен пользоваться чем-либо за чужой счет. Да, Перри? Тем более за счет человека, с которым он даже не знаком. Поэтому Перри полез на вышку, чтобы поблагодарить дядю Ваню за доброту и сказать, что он предпочитает заплатить сам.

Поток слов иссякает. Далее притворная беспечность неуместна – и нить рассказа подхватывает Перри:

– Я поднялся по лесенке на вышку, где на спасательном круге сидел Ваня. Я нырнул под навес, чтобы высказаться, и чуть ли не носом ткнулся в рукоятку огромного черного пистолета. Ваня расстегнул жилет на жару – и за поясом торчала эта штука. Я не разбираюсь в оружии, слава богу, и не стремлюсь. Но вы, несомненно, разбираетесь. Пистолет был здоровенный, – с сожалением констатирует он, и воцаряется красноречивое молчание. Перри горестно смотрит на Гейл, но не получает ответного взгляда в награду за свои старания.

– И вы решили ничего не говорить, Перри? – немедленно уточняет маленький Люк, мастер заполнять бреши. – По поводу пистолета, я имею в виду.

– Да. Судя по всему, он не понял, что я заметил оружие, поэтому я решил, что с моей стороны разумнее будет промолчать. Я только поблагодарил его за мороженое и спустился вниз – туда, где Гейл болтала с девочками.

Люк напряженно задумывается. Кажется, что-то его зацепило. Уж не мучит ли его замысловатый вопрос из области шпионского этикета? Что делать, если видишь пистолет под жилетом у человека, с которым ты почти незнаком? Сказать ему об этом или проигнорировать – как если бы он забыл застегнуть ширинку?

Ивонн, шотландский «синий чулок», помогает Люку выпутаться из затруднения.

– По-английски, Перри? – строго спрашивает она. – Вы поблагодарили его по-английски, насколько я понимаю? И он вам ответил?

– Не ответил. Ни на каком языке. Кстати, к жилету у него была приколата черная траурная брошь – такие штуки я уже давно не видел. А ты, наверное, даже не знаешь об их существовании, – укоризненно замечает он, обращаясь к Гейл.

Удивленная внезапной агрессией, она качает головой. Да, Перри. Виновата. Я понятия не имела о траурных брошах, а теперь знаю, так что можешь продолжать.

– А вам не пришлось в голову известить, например, служащих отеля, Перри? – не отстают Люк. – «На спасательной вышке сидит русский со здоровенным пистолетом».

– Иногда ситуация сама диктует правила, Люк, и, несомненно, это был именно тот случай, – гневно отвечает Перри. – Что бы могли сделать в отеле? Все указывало на то, что если Дима и не владеет курортом официально, то, по крайней мере, контролирует его фактически. Так или иначе, с нами были дети – стоило ли устраивать скандал в их присутствии? Мы решили, что нет.

– А островная полиция? О ней вы не подумали?

– Нам оставались еще четыре дня на Антигуа. Мы не хотели тратить их на разбирательство с людьми, которые, возможно, и так уже у местной полиции в печенках сидели.

– Это было ваше совместное решение?

– Это было *волевое* решение. Мое. Еще не хватало мне подойти к Гейл и сказать: у Вани пистолет за поясом – как ты полагаешь, не лучше ли обратиться в полицию? Тем более при девочках. Как только мы остались одни, я собрался с мыслями и рассказал ей о том, что видел. Мы все обсудили с позиций здравого смысла и решили ничего не предпринимать.

Охваченная внезапным приливом любви и нежности, Гейл спешит прикрыть Перри с позиции профессионала:

– Может, у Вани было разрешение от местных властей на ношение оружия. Откуда нам знать? А может, Ваня даже не нуждался в разрешении. Может, полиция сама выдала ему пистолет. Мы не в курсе местных законов насчет оружия, ведь так, Перри?

Она уже готовится выслушать юридические контраргументы от Ивонн, но та слишком занята – читает свой экземпляр проклятого документа в кожаной папке.

– Если вас не затруднит, опишите, пожалуйста, этого «дядю Ваню», – просит шотландка бесстрастным тоном.

– Рябой, – быстро отвечает Гейл и вновь поражается тому, что ее память сохранила столько подробностей. Лет пятьдесят с хвостиком. Щеки как пемза. Пивное брюшко. Кажется, на корте он украдкой глотал из фляжки, – впрочем, она не уверена.

– Жирный. На каждом пальце правой руки по кольцу, – говорит Перри, когда наступает его очередь. – Все вместе выглядит как кастет. Из-под берета торчат во все стороны черные волосы, но, подозреваю, макушка у него лысая – именно поэтому он ее прикрывает.

Да, это он, соглашаются они, когда, соприкасаясь головами (между ними проскакивают искры), разглядывают фотографию, которую Ивонн подсовывает им под нос. Да, это Ваня из Перми, второй слева из четверых толстых весельчаков, сидящих в ночном клубе в окружении проституток, бумажных гирлянд и бутылок шампанского, в канун 2008 года, бог весть где.

Гейл нужно в туалет. Ивонн ведет ее по узкой подвальной лестнице на первый этаж, обставленный с загадочной роскошью. Жизнерадостный Олли, без берета, развалился в кресле, погрузившись в чтение газеты. Она необычная – напечатана кириллическим шрифтом. Гейл вроде бы разбирает русские слова «Новая газета», но уточнять не хочет. Ивонн ждет, пока Гейл делает свои дела. Туалет красивый, с полотенцами, душистым мылом и дорогими обоями, на которых изображены охотничьи сценки. Потом они возвращаются в подвал. Перри по-прежнему сидит ссутулившись, рассматривая собственные руки, но на сей раз они лежат ладонями вверх, как будто он читает по ним двойное будущее.

– Итак, Гейл, – энергично говорит маленький Люк. – Слово вновь за вами.

Это не слово, Люк. Это, черт возьми, вопль, который рвется из меня уже давно; думаю, ты в курсе, недаром же пилишься на меня куда чаще, чем предписано шпионским учебником «Этикет: общение между полами».

– Я понятия не имела, во что ввязываюсь, – начинает она, глядя прямо перед собой – на Ивонн, а не на Люка. – Я должна была догадаться. Но не догадалась.

– Тебе совершенно не за что себя упрекать, – горячо вмешивается Перри. – Никто тебе не сказал, никто не предупредил. Если кто и виноват, так это Дима со товарищи.

Гейл безутешна. Она сидит в кирпичном винном погребе глухой ночью и выстраивает обвинение против самой себя.

Она лежит ничком на пляже Антигуа, под зонтиком, в расстегнутом купальнике, рядом с нею – две маленькие девочки, а с другой стороны – Перри, в мальчишеских шортах и старомодных отцовских очках со специально подобранными солнцезащитными линзами.

Девочки съели бесплатное мороженое и выпили бесплатный сок. Дядя Ваня из Перми сидит на вышке с огромным пистолетом за поясом, а Наташа, чье имя каждый раз встает перед Гейл препятствием (приходится собираться с силами, чтобы взять барьер, совсем как

на уроке верховой езды), – Наташа лежит в дальнем конце пляжа, наслаждаясь одиночеством. Элспет удалилась на безопасное расстояние. Возможно, она знает, что сейчас произойдет. Скорее всего, ей не позволено вмешиваться – так теперь кажется Гейл, хотя толку от ее запоздалой проницательности никакого.

Она замечает, что девочки вновь мрачают. Профессиональная интуиция подсказывает ей: их наверняка объединяет какой-то нехороший секрет. Она всякого навидалась в суде, поэтому дети, которые не болтают и не шалят, беспокоят ее и пробуждают любопытство. Дети, которые не понимают, что они – жертвы. Дети, которые не смотрят тебе в глаза. Которые винят себя за то, что делают с ними взрослые.

– Задавать вопросы – моя работа, – протестует Гейл. Теперь она обращается только к Ивонн. Люк – размытое пятно, Перри – за пределами поля зрения; она сознательно вытеснила его туда. – Я разбираю семейные дела и допрашиваю детей в качестве свидетелей. То, что делаешь на службе, продолжаешь делать и в свободное время. Привычка – вторая натура.

В попытке снять напряжение Перри подается вперед и тянет к ней длинную руку, но Гейл не успокаивается.

– Поэтому в первую очередь я попросила рассказать подробнее про дядю Ваню. Они так красноречиво о нем умалчивали, что я подумала: похоже, с дядей им не повезло. «Дядя Ваня умеет играть на балалайке, мы его очень любим, и он такой смешной, когда напьется». Ира оказалась словоохотливее, чем старшая сестра. Пьяный дядюшка, который развлекает детей... а чем еще он развлекается?

– Если я правильно понимаю, вы разговаривали по-английски? – Ивонн отслеживает каждую деталь, но тактично – женская солидарность дает о себе знать. – Не переходили, например, на французский?

– Английский – практически их родной язык. Точнее, американский английский, который они выучили в интернате, с легким итальянским акцентом. Я спросила: Ваня – их родной дядя или, так сказать, названный? Они сказали: Ваня – брат нашей мамы, он женился на тете Рае, она сейчас живет в Сочи с другим мужем, которого никто не любит. Так, рисуем семейное древо. Тамара – жена Димы, она очень строгая и много молится, потому что она святая. И добрая, взяла вот нас к себе. *Добрая? Взяла к себе – в каком смысле?* Я опытный адвокат, я не задаю прямых вопросов, только косвенные: а Дима к Тамаре хорошо относится? А к сыновьям? Это значит: а как он относится к вам? Катя сказала: да, Дима хорошо относится к Тамаре, потому что он ее муж, а ее сестра умерла. И к Наташе тоже хорошо, потому что он ее папа, а ее мама умерла, и к сыновьям, потому что он их папа. Напрашивался следующий вопрос, который мне очень хотелось задать, и я обратилась к Кате как к старшей: а кто же *ваши* папа? Она сказала: он умер. Ира вмешалась: и мама тоже. Они оба умерли. У меня вырвалось что-то вроде «ох, ну надо же», а они смотрели на меня молча, и я добавила: мне очень жаль. И давно они умерли? Я, кажется, не совсем поверила. Надеюсь в глубине души, что это какая-то жестокая детская шутка. Теперь со мной говорила Ира, а Катя погрузилась в транс. Я, впрочем, тоже, но это не важно. Они умерли *в среду*, сказала Ира. Подчеркнула так день недели, как будто это он виноват. Давно или нет, какая разница, они умерли *в среду*. Все хуже и хуже. Неужели в прошлую среду? Ира ответила: да, в среду, неделю назад, двадцать девятого апреля. Очень точно, словно хотела, чтобы я запомнила дату. В среду на прошлой неделе случилась какая-то авария. Я просто сидела, уставившись на них, и тогда Ира погладила мою руку, а Катя положила голову мне на колени. Перри, о котором я совершенно позабыла, обнял меня – я, единственная из всех, плакала.

Гейл прикусывает костяшку указательного пальца – она всегда делает так в суде, чтобы подавить недопустимые эмоции.

– Когда мы обсудили это с Перри в отеле, все более или менее встало на места. – Она повышает голос, чтобы он звучал еще более отстраненно. Гейл по-прежнему не смотрит на Перри и в то же время как будто старается внушить собеседникам, что это вполне естественно, ничего особенного: две маленькие девочки развлекаются на пляже спустя несколько дней после того, как их родители погибли в автомобильной катастрофе.

– Они погибли в среду. Теннисный матч состоялся в среду же. Следовательно, вся семья скорбела уже неделю, и Дима решил, что пора развеяться – поэтому прекратите ныть, марш на корт. Если бы все они, или кто-то из них, или покойные родители были иудеями – а я не исключаю такой возможности, – то это значило бы, что они отсидели шиву,⁴ после чего, как положено, вернулись к нормальной жизни. Как-то не вяжется с Тамариным крестом и христианским рвением, но что толку искать логику в религиозных воззрениях этой пестрой компании. А Тамару вообще все вокруг считали очень странной.

Снова Ивонн – уважительно, но твердо:

– Не хочу на вас давить, Гейл, но Катя упомянула, что случилась авария. Это все, что вы от нее узнали? Не сказала ли она, например, где произошла трагедия?

– Где-то неподалеку от Москвы. Она не знает, где именно. Якобы во всем виноваты дороги, на них много рытвин. Все водители держатся середины дороги, чтобы не угодить в яму, поэтому, естественно, машины сталкиваются.

– Девочка не упоминала о больнице? Или мама с папой умерли мгновенно? Как было дело?

– Они погибли при столкновении. Цитирую Катю: «На середину дороги выскочил большой грузовик и сбил их насмерть».

– Были другие жертвы, не считая этих двоих?

– Я не стала мучить их дополнительными вопросами. – Гейл чувствует, как ее самообладание дает трещину.

– А водитель? Если водитель тоже погиб, то, конечно, девочки бы об этом упомянули?

Ивонн позабыла о Перри.

– Ивонн. Ни Катя, ни Ира не упоминали водителя, живого или мертвого, прямо или косвенно, – произносит он медленно и наставительно, как будто перед ним нерадивый студент или назойливый охранник. – Речь не шла о других жертвах, больницах, марках машин... – его голос набирает высоту, – и о том, была ли у них страховка...

– Хватит, – прерывает Люк.

Гейл снова пошла в туалет, на сей раз без сопровождения. Перри остался внизу. Он сидел, подперев лоб пальцами одной руки, – вторая беспокойно постукивала по столу. Гейл вернулась, но Перри, кажется, даже этого не заметил.

– Итак, Перри, – сказал Люк, бодро и деловито.

– Что?

– Крикет.

– Это было на следующий день.

– Мы в курсе. Так написано в вашем документе.

– Тогда почему бы его не прочитать?

– Мы уже прошли эту стадию, не правда ли?

Ладно, ладно, на следующий день, в то же самое время, на том же самом пляже, хоть и в другой его части, неохотно уступил Перри. Тот же самый микроавтобус с затемненными

⁴ *Шива* – в иудаизме: обязательный семидневный траур по усопшему; он начинается сразу после похорон, и в течение этого периода скорбящие не выходят из дому, не работают, не читают книг, за исключением священных текстов, и т. д.

стеклами остановился под табличкой «Парковка запрещена», и оттуда, кроме Элспет, девочек и Наташи, вышли мальчики.

Волей-неволей при слове «крикет» Перри слегка просветлел.

– Они походили на двух жеребят, которых слишком долго держали в стойле, а потом наконец позволили порезвиться, – сказал он с внезапной нежностью, вспоминая эту картину.

Перри и Гейл выбрали место на пляже, максимально удалённое от «Трёх труб». Не то чтобы они прятались от Димы и компании, но они не выпалились и проснулись поздно, с мучительной головной болью, потому что накануне вечером совершили элементарную ошибку – выпили подаренного рома.

– От них просто невозможно было скрыться, – вмешалась Гейл, решив, что настала ее очередь. – Нигде на всем пляже, правда, Перри? Даже на всем острове, если подумать. Почему Дима и его родня так нами интересовались? Кто они такие? Чего хотели? Почему выбрали именно нас? Каждый раз, поворачивая за угол, мы натыкались на них. Мы чувствовали, что за нами наблюдают. Когда мы выходили на балкон номера, они стояли по ту сторону бухты и глазели на нас – может быть, нам это просто мерещилось, но было очень неприятно. А на пляже они даже в биноклях не нуждались. Достаточно было всего-навсего перегнуться через живую изгородь. Несомненно, они так и сделали, потому что, не успели мы устроиться, как подъехал знакомый микроавтобус с черными стеклами.

Тот же самый белобрысый охранник, перехватил инициативу Перри. На сей раз не в баре, а на пригорке под деревом. Никакого дяди Вани из Перми, в шотландском берете и с огромным пистолетом. Вместо него – какой-то долговязый тощий тип, должно быть помешанный на спорте: вместо того чтобы вскарабкаться на вышку, он принялся бегать по пляжу, засекая время и прерываясь на гимнастические упражнения.

– Растрепанный, – вспоминал Перри, медленно расплываясь в улыбке. – Подвижный. Лучше сказать – нервный. Не мог посидеть или постоять спокойно пять секунд. И не просто худой, а настоящий скелет. Мы сообразили, что это пополнение. Судя по всему, в доме Димы непрерывно совершался оборот кузенов из Перми.

– Перри взглянул на детей – да, милый? – снова встряла Гейл. – Ты посмотрел на них – и подумал: господи, что нам делать с этой оравой? А потом тебе в голову пришла потрясающая идея – крикет. То есть ничего удивительного, если знать Перри. Дайте ему старый мячик и палку – и он потерян для всего человечества. Правда?

– Мы взялись за дело всерьез, как полагается, – согласился Перри, неубедительно хмурясь и все еще улыбаясь. – Сделали калитку из веток и палок, попросили у сотрудников пляжа биты и мячи, уговорили нескольких растафари и престарелых англичан постоять в дальней части поля – таким образом у нас оказалось по шесть человек в команде, Россия против всего мира. Я послал мальчиков за Наташей – не хочет ли она защищать калитку? – но они вернулись и сказали, что она занята, читает «какого-то там Тургенева» – они делали вид, будто никогда о нем не слышали. Потом мы озвучили священные правила крикета... – улыбка Перри сделалась еще шире, – ребятам, не питающим особого почтения к правилам. Я, разумеется, не имею в виду растафари и англичан. Они – прирожденные игроки. Но юные сыновья Димы были воспитанниками интерната. Они немного умели играть в бейсбол, но страшно злились, когда им говорили, что мяч нужно бросать аккуратно, а не швырять со всей дури. Девочками тоже нужно было руководить, но, поскольку подающими у нас стояли старики, мы решили, что Катя и Ира будут бегать вместо них, а если им станет скучно, Гейл отведет их поплавать. Так?

– Мы считали, что малышам нужно побольше двигаться, – добавила Гейл, честно пытаясь разделить энтузиазм Перри. – Чтобы не было времени задумываться. Мальчики в любом случае намеревались развлечься. А что касается девочек... то хотя бы добиться от них улыбки... господи... – Она не договорила.

Увидев, что Гейл в затруднении, Перри поспешил шагнуть на сцену.

– Очень трудно сделать приличную крикетную площадку на мягком песке, – объяснил он Люку. – У подающих вязнут ноги, отбивающие падают – вообразите себе.

– Да уж, – искренне согласился Люк, охотно копируя тон собеседника.

– Но не то чтобы все это было так уж важно. Мы хорошо повеселились, а победители получили мороженое. То есть оно досталось всем, потому что мы свели игру вничью.

– Мороженое за счет очередного дядюшки-надзирателя? – спросил Люк.

– Нет, я положил этому конец. За угощение платили мы сами.

Гейл пришла в себя, и Люк заговорил серьезнее:

– Итак, ближе к концу столь увлекательного матча вам удалось заглянуть внутрь пресловутого микроавтобуса? Я правильно вас понял?

– Мы как раз собирались закругляться, – кивнул Перри. – И внезапно боковая дверца микроавтобуса открылась. Может быть, пассажиры решили подышать свежим воздухом. Или рассмотреть нас получше. Точь-в-точь королевский визит инкогнито.

– И долго ли дверца оставалась открытой?

Перри начеку, не злоупотребляет своей хваленой памятью. Идеальный свидетель, он никогда не доверяет себе, не отвечает слишком быстро, строго придерживается темы. Еще один Перри, которого любит Гейл.

– Не знаю, Люк. Не могу сказать в точности. *Мы* не можем... – Быстрый взгляд на Гейл, которая покачала головой: мол, все верно. – Я посмотрел туда, Гейл это заметила – ты же заметила? – и тоже посмотрела. И мы оба их увидели. В машине сидели Дима и Тамара, бок о бок, прямые, точно кол проглотили, светлый и темная, толстый и тощая, – они глядели на нас с заднего сиденья. Потом дверца захлопнулась.

– Они не улыбались, – негромко подсказал Люк, делая пометку.

– В них было нечто, как я уже говорил, царственное. Да. В них обоих. Королевская чета. Если бы один из них вдруг потянул за шелковый шнурок, давая кучеру знак трогаться, я бы ничуть не удивился. – Перри сделал паузу, явно воображая эту картину, потом утвердительно кивнул. – На островах большие люди кажутся еще больше. А Дима и его семья были... и остаются... большими людьми.

Ивонн показывает им еще одну фотографию, на сей раз черно-белый полицейский снимок – анфас и профиль, сначала два глаза, потом один. Разбитые, вспухшие губы человека, который только что сделал добровольное заявление. Увидев фото, Гейл неодобрительно морщит нос. Она смотрит на Перри, и они приходят к общему заключению: мы его не знаем.

Но шотландка Ивонн не теряет уверенности.

– Представьте, что на этого человека надели кудрявый парик и немножко умыли... не обретет ли он определенное сходство с вашим любителем бега, которого в минувшем декабре освободили из итальянской тюрьмы?

Не исключено. Придвинувшись ближе друг к другу, они заключают, что так и есть.

Приглашение вручил в ресторане «Палуба» тем же вечером почтенный Амброз, наливая Перри вина на пробу. Перри, сын пуританина, не умеет подражать голосам. Зато Гейл, дочь актрисы, может изобразить кого угодно. И теперь она с успехом играет роль почтенного Амброза:

– «Сегодня вечером я буду лишен удовольствия обслуживать вас, молодые люди. Знаете почему? Потому что вы, молодые люди, будете почетными гостями мистера Димы и его уважаемой жены на вечеринке по случаю дня рождения близнецов, которым, как я слышал, вы лично преподали урок благородной игры в крикет. Моя Элспет испекла самый большой и вкусный ореховый торт, какой вам только доводилось пробовать. Судя по всему, мисс Гейл, детишки ждут, что вы выскочите прямо оттуда, так они вас любят».

В качестве заключительного штриха Амброз вручил им конверт с надписью «Мистеру Перри и мисс Гейл». Внутри лежали две визитки, белые, с неровными краями, похожие на свадебные приглашения, с надписью «Дмитрий Владимирович Краснов, европейский директор, международная торговая корпорация „Арена“, Никосия, Кипр». Чуть ниже – веб-сайт компании и адрес в Берне.

Глава 4

Если кому-то из них и пришла в голову мысль отклонить приглашение, то друг другу они в этом, по словам Гейл, не признались.

— Мы согласились ради детей. У двух нескладных подростков-близнецов день рождения — прекрасно. Именно под таким предлогом нам всучили приглашение, и именно поэтому мы решились. Но для меня главным были малышки... — Гейл снова втайне поздравила себя с тем, что ей удалось избежать упоминания о Наташе. — Тогда как для Перри... — Она с сомнением взглянула на него.

— Что для Перри? — спросил Люк, когда тот промолчал.

Гейл тут же подобралась, защищая возлюбленного.

— Он был просто заморожен происходящим. Правда, Перри? Дима, кем бы он ни был, его жизненная сила, цельная натура... вся эта безумная компания русских. Опасность. Очевидная *инаковость*. Тебя к ним... тянуло. Разве нет?

— Какая-то психологическая чушь, — ворчливо отозвался Перри, уходя в себя.

Маленький Люк, неизменный миротворец, поспешил вмешаться.

— Значит, изначально у вас обоих были смешанные мотивы, — предположил он тоном человека, прекрасно знакомого с упомянутыми мотивами. — Ничего страшного, а? Ситуация довольно запутанная. Добрый дядюшка с пистолетом. Слухи о корзинах денег. Две маленькие сиротки, которые отчаянно в вас нуждаются, — а может быть, и взрослые тоже. И, наконец, день рождения близнецов. Как вы могли устоять, будучи порядочными людьми?

— И живя на острове, — добавила Гейл.

— Вот именно. И, в довершение всего, да будет мне позволено сказать, вы оба довольно любопытны. Почему бы и нет? Нетривиальное положение вещей. Не сомневаюсь, что я бы тоже клюнул.

Гейл тоже в этом не сомневалась. Она подозревала, что в свое время Люк охотно клевал на что попало и, возможно, до сих пор не совсем исправился.

— Главное — Дима, — настаивала она. — Дима был для тебя самым большим соблазном, Перри, признай. Ты сам так сказал. Я заиклилась на детях, но для тебя в конечном итоге решающим фактором стал Дима. Помнишь, мы обсуждали это всего несколько дней назад?

Она имела в виду — «когда ты писал свой дурацкий документ, а я изображала покорную служанку».

Перри ненадолго задумался — так же, как задумался бы над какой-нибудь научной гипотезой, — а потом, с великодушной улыбкой, признал справедливость аргумента:

— Это правда. Я вроде как чувствовал, что он меня выделяет. Даже чересчур. Честно говоря, теперь уже и не знаю толком, что именно я чувствовал. Может быть, и тогда не знал.

— Но Дима-то знал. Ты был его «профессором честной игры».

— Поэтому днем, вместо того чтобы пойти на пляж, мы отправились в город за покупками, — продолжила рассказ Гейл, глядя мимо отвернувшегося Перри на Ивонн, но обращаясь к нему. — Именинникам мы, естественно, хотели подарить набор для крикета. Это по твоей части. Ты увлеченно принялся его искать. Помнишь, как тебе понравился местный спортивный магазин? И старик-хозяин? И фотографии знаменитых вест-индских игроков. Лири Константайн... кто еще там был?

— Мартиндейл.

— И Соберс. Гэри Соберс. Ты его мне показал.

Перри кивнул. Да, Соберс.

– Нам нравилась идея преподнести детям сюрприз. Амброз не так уж ошибался, когда говорил, что мне придется выпрыгнуть из торта, ведь правда? Я выбирала подарки для девочек. Шарфы для малышей и красивое ожерелье из ракушек и полудрагоценных камней для Наташи... – Все. Наташу она опять проскочила удачно. – Ты хотел купить мне точно такое же, но я не разрешила.

– Почему же, Гейл? – поинтересовалась Ивонн со скромной, понимающей улыбкой, стараясь немного разрядить атмосферу.

– Украшение должно быть эксклюзивным. Перри поступил как джентльмен, но я не хотела ожерелье, как у Наташи, – объяснила она обоим, и Ивонн, и Перри. – И уж конечно, Наташа не захотела бы ожерелье, как у меня. Спасибо, чудесная мысль, но давай лучше как-нибудь в другой раз – вот что я сказала. Так? А пока попробуй-ка найти на этом острове приличную оберточную бумагу.

Она продолжала:

– Предстояла нелегкая задача – тайно провести нас в дом. Так, милый? Потому что мы были сюрпризом и нам надлежало появиться внезапно. Мы думали нарядиться карибскими пиратами – твоя идея, – но потом решили не перегибать палку, тем более в гостях у людей, которые носят траур, хотя официально нам об этом не сообщили. Поэтому мы пошли в обычной одежде – ну, может, чуть-чуть принарядились. Перри, ты надел старый блейзер и серые брюки, в которых приехал. «А-ля Брайдсхед», как ты выражаешься. Перри не то чтобы помешан на моде – но тут он постарался. И разумеется, прихватил плавки. А я надела поверх купальника легкое платье и кардиган – на случай, если похолодает. Мы знали, что в «Трех трубах» свой пляж, так что, возможно, гостям предложат искупаться.

Ивонн старательно записывала. Для кого? Люк, опершись подбородком на руку, жадно ловил каждое ее слово – чересчур жадно, как казалось Гейл. Перри мрачно рассматривал кирпичную стену. Все они с безраздельным вниманием слушали ее лебединую песнь.

Когда Амброз приказал им ждать наготове у входа в отель, в шесть вечера (продолжала Гейл более сдержанно), они решили, что их отвезут в «Три трубы» в одном из микроавтобусов с черными стеклами и проведут через заднюю дверь. Но они ошиблись.

Придя кружным путем на парковку, как было велено, они обнаружили Амброза за рулем внедорожника. Восторженным тоном заговорщика он объяснил, что план таков: привезти неожиданных гостей по старой лесной дороге прямо к черному ходу – а там их будет ждать мистер Дима собственной персоной.

Гейл снова заговорила голосом Амброза:

– «В саду у них китайские фонарики, шумовой оркестр, навес и уйма нежнейшей мраморной говядины. Чего там только нет! Мистер Дима все это устроил и организовал. Он повез мою Элпет и все свое семейство на крабьи бега в Сент-Джонс, так что мы сможем незаметно проскользнуть через заднюю дверь – представляете, какой это большой секрет?...»

Старая тропа сама по себе уже представляла потенциальный источник приключений. Должно быть, они были первыми за много лет, кто по ней ехал. Несколько раз приходилось буквально прокладывать дорогу через кустарник.

– ...разумеется, Перри был в восторге. Ему следовало бы родиться крестьянином, правда? Когда мы выбрались из этого сплошного зеленого туннеля, то увидели Диму, похожего на счастливого Минотавра. Если такое бывает.

Костлявый указательный палец Перри предостерегающе закачался.

– Мы впервые встретили Диму в одиночестве, – задумчиво произнес он. – Ни охраны, ни родственников, ни детей. Никого, чтобы за нами присматривать. По крайней мере, в пределах видимости. Мы, вдвоем, стояли на кромке леса. И я и Гейл отчетливо сознавали, что внезапно очутились в положении избранных.

Но вся значительность, которую Перри вложил в свои слова, пропала втуне, когда в разговор настойчиво вмешалась Гейл:

– Он обнял нас, Ивонн! Обнял! Сначала облапил Перри, потом отодвинул его и обнял меня, затем снова Перри. Ничего сексуального – очень тепло и по-дружески. Как будто сто лет нас не видел. Или прощался навсегда.

– Или просто отчаялся, – предположил Перри, все так же серьезно и задумчиво. – Не знаю, как тебе, а мне пришла в голову такая мысль... Что сейчас мы для него особенно значимы. Чем-то важны.

– Мы действительно ему нравились, – решительно произнесла Гейл. – Он стоял там и буквально объяснялся нам в любви. Тамаре мы тоже понравились, в этом Дима не сомневался. Просто ей трудно выражать свои чувства – у нее в жизни «кое-что случилось», и она слегка повредила в уме. Дима не объяснил, что именно случилось, – а кто мы такие, чтобы спрашивать? Наташа тоже нас полюбила, но она в последнее время вообще ни с кем не разговаривает, только читает. Вся его семья любит англичан за гуманизм и честность. Впрочем, «гуманизм» – это мое слово; как он там сказал?..

– Что у англичан «добрая душа».

– Короче говоря, мы стояли в конце туннеля и дружески обнимались, а он твердил, что у нас золотые сердца. Господи, как можно объясняться в любви человеку, с которым ты обменялся всего несколькими словами?

– Перри? – позвал Люк.

– Мне в нем почудилось что-то героическое, – ответил тот, прижимая руку ко лбу – верный признак беспокойства. – Сам не мог понять, откуда такое впечатление. Я разве не упомянул об этом в документе? О «героическом»? Мне показалось, что Дима... – Перри пожал плечами, как бы сбрасывая со счетов свою никому не нужную сентиментальность. – Я подумал: вот оно – достоинство под обстрелом. Только я понятия не имел, кто в него стреляет и за что. Я ничего не знал, но...

– Тебе хотелось подстраховать его над пропастью, альпинист, – подсказала Гейл – впрочем, довольно добродушно.

– Да. У него случилась беда. Он нуждался в нас.

– В тебе, – поправила она.

– Да. Во мне. Именно это я и пытаюсь сказать.

– Тогда продолжай сам.

– Он повел нас в обход дома, – начал Перри и вдруг замолчал. – Полагаю, вы хотите подробного описания? – строго спросил он у Ивонн.

– Да, – ответила та столь же деловито. – Все, вплоть до мельчайших деталей, *если* вас не затруднит.

И она вновь педантично принялась за свой конспект.

– Там, где мы вышли из зарослей, начиналась старая дорога, усыпанная чем-то вроде красной окарины, – возможно, ее проложили строители, когда подвозили материалы. Нам пришлось карабкаться вверх по склону, огибая рытвины.

– С пакетами в руках, – пробормотала Гейл. – Ты – с набором для крикета, я – с подарками для младших, в самой затейливой обертке, какую только удалось найти, то бишь довольно посредственной.

«Интересно, кто-нибудь подслушивает разговор? – задумалась она. – Не со мной – с Перри. Он у нас главный герой, а я так, побоку».

– Дом, когда мы приблизились к нему сзади, выглядел совершенной развалиной, – продолжал он. – Нас предупредили, чтобы мы не ждали дворца, и мы знали, что дом скоро снесут, но не ожидали увидеть руины. – Оксфордский дон-ренегат заговорил как полевой

корреспондент. – Я отметил ветхое кирпичное строение с заколоченными окнами – судя по всему, бывший барак для рабов. Вокруг участка тянулась побеленная стена, около двенадцати футов высотой, увенчанная новенькой колючей проволокой, весьма неприятной на вид. На столбах висели прожектора, по кругу, как на футбольном стадионе, – они ярко освещали каждого, кто проходил мимо. Именно их свет мы видели с балкона нашего коттеджа. Между ними были развешаны китайские фонарики – видимо, хозяева готовились к вечернему празднеству. И камеры видеонаблюдения – но нас они не засекли, потому что мы подошли с другой стороны. Надо думать, Дима сделал это намеренно. Новенькая сияющая спутниковая тарелка, на двадцатифутовой высоте, была обращена на север – по крайней мере, так мне показалось. В сторону Майами. Или, может, Хьюстона. Загадка... – Перри задумался. – Но, полагаю, не для вас. Вы-то обязаны знать такие вещи.

Вызов или шутка? Ни то ни другое. Перри демонстрирует, как блестяще он выполняет их работу, – на тот случай, если они сами не заметили. Это говорит Перри, который карабкается по горным отвесам и никогда не забывает маршрут. Перри, который не может устоять перед трудностями, особенно когда шансы не в его пользу.

– Потом мы снова пошли вниз по холму, через лес, и оказались на травянистой лужайке, которая завершалась мысом. Строго говоря, никакой задней части у дома не было. Ну или он представлял собой сплошную заднюю часть, если угодно. Псевдоевропейская эклектика, что-то вроде бунгало из обшивочных досок и асбеста, с серыми, оштукатуренными стенами. Маленькие окна со свинцовыми переплетами. Фанера, имитирующая дерево, и заднее крыльцо с болтающимся фонарем. Я прав, Гейл?

Сидела бы я тут, если бы ты был не прав?

– Ты молодчина, – сказала Гейл, хотя он вообще-то не об этом спрашивал.

– Спальни, ванны, кухни и кабинеты... очевидно, в прошлом этот дом был чем-то вроде сельской коммуны или колонии поселенцев. Невероятный хаос. И не по вине Димы, как сказал нам Марк. Дима и его семья раньше жили в другом месте, они ни к чему тут не прикасались, только систему безопасности наспех наладили. Но нас не тревожил беспорядок. Даже наоборот. В нем был несомненный признак реальности.

Неизменно бдительная Ивонн отрывается от своих заметок, точно врач – от истории болезни.

– То есть там не было никаких труб, Перри?

– Всего две. На развалинах сахарного заводика, на западной оконечности полуострова. Третья труба куда-то подевалась. Разве я не указал это в нашем документе?

В *нашем*, черт возьми, документе? Хватит врать, Перри. *Наш* документ, который ты написал *для них* сам, даже не позволив мне взглянуть? Это *твой* документ, чтоб тебя! *Их* документ! Щеки у Гейл горели, и она надеялась, что Перри это заметит.

– Потом мы двинулись к дому. Примерно метров за двадцать до входа, если не ошибаюсь, Дима велел нам идти помедленнее, – говорил Перри, и его голос набирал силу. – Точнее, придержал нас, руками.

– Это не здесь ли он заговорщицки приложил палец к губам? – уточнила Ивонн, поднимая на него глаза, но не прекращая писать.

– Да, да! – не удержалась Гейл. – Именно здесь! Как настоящий заговорщик. Сначала «идите помедленнее», затем – «молчок»! Мы думали, что все это ради сюрприза для детей, и охотно подыграли. Амброз сказал, что вся семья отправилась на крабьи бега, поэтому нам показалось немного странным, что в доме кто-то есть. Но потом мы просто решили, что у них изменились планы и они никуда в итоге не поехали. Ну или я так решила.

– Спасибо, Гейл.

За что, боже ты мой? За то, что отвлекла ваше внимание от Перри? Не стоит благодарностей, Ивонн. Всегда пожалуйста.

Гейл нахально продолжила:

– Дальше мы шли на цыпочках. Затаив дыхание. И ни в чем не сомневались – думаю, это важно отметить. Мы слушались Диму – на нас это не похоже, но факт. Он подвел нас к боковой двери. Она была не заперта, Дима ее толкнул и вошел первым, затем стремительно обернулся, одну руку вскинув над головой, а другой вновь подавая знак молчать... – Совсем как мой папаша в рождественской пантомиме, только трезвый, хотела добавить Гейл, но удержалась. – Он пристально смотрел на нас, буквально вынуждая подчиниться. Так, Перри? Теперь ты рассказывай.

– Когда он понял, что мы готовы повиноваться, то жестом приказал следовать за ним. Я пошел первым. – Перри, в отличие от Гейл, подчеркнуто сдержан – так он обычно скрывает бьющее через край нервное возбуждение. – Мы прокрались в пустой холл. Хотя... какой там холл. Клетушка десять на двенадцать футов, с окном, выходящим на запад. Через потрескавшееся стекло, тут и там залепленное скотчем, лилось вечернее солнце. Дима по-прежнему прижимал палец к губам. Я вошел, и он схватил меня за руку, точь-в-точь как сделал это на корте. Он потрясающе силен. Я не смог бы оказать ему сопротивление.

– А вам показалось, что придется? – спросил Люк. Мол, сочувствую, как мужчина мужчине.

– Я не знал, что думать, и беспокоился о Гейл. Главной моей заботой было встать между ними. Впрочем, я почти сразу успокоился.

– И все-таки вы наконец-то поняли, что это уже не детская игра, – подытожила Ивонн.

– Да, до меня начало доходить, – признался Перри. Его голос на мгновение заглушила сирена «Скорой помощи», промчавшейся по улице. – Видите ли, мы никак не ожидали, что в доме будет настолько *шумно*, – произнес он с нажимом, как будто вой сирены вызвал каскад звуковых ассоциаций. – Мы стояли в крошечном помещении и слышали, как во всем полуразрушенном доме шумит ветер. И свет был... феерический – любимое словечко моих студентов. Он падал через западное окно как бы слоями: полоса дымчатого света, рассеянного низкими облаками, идущими с моря, затем полоса ослепительного сияния – и черные тени по углам, куда не доставали лучи.

– И холод, – пожаловалась Гейл, драматическим жестом обхватывая плечи. – Какой бывает в нежилых домах. А еще леденящий запах, как на кладбище. Я думала только об одном: где же девочки? Почему их не видно и не слышно? Почему не слышно вообще никого и ничего, кроме ветра? А если в доме ни души, то для кого же готовится сюрприз? Кого мы обманываем, не считая себя? Перри, ты ведь тоже об этом подумал, ты сам мне потом сказал – ведь так?

У Димы, который по-прежнему стоял, прижав палец к губам, лицо стало другим, говорит Перри. Все веселье с него как ветром сдуло, оно сделалось безжалостным. Суровым. Дима действительно хотел, чтобы мы боялись. Разделили его страх. Мы огляделись, озадаченные – и, да, испуганные, – и вдруг перед нами, в углу крошечного «холла», возникла призрачная фигура Тамары. Она стояла там все время, просто мы не замечали, – в самом темном углу, подальше от слоеных солнечных лучей. На ней было то же длинное темное платье, что и прежде – на корте и когда они с Димой наблюдали за детьми из микроавтобуса. Тамара и впрямь походила на привидение.

Гейл снова перехватила инициативу:

– Первое, что я увидела, – массивный крест. Все остальное как бы нарисовалось вокруг него. Тамара заплела и уложила волосы по случаю праздника, накрасила щеки и губы – точнее, размазала помаду вокруг рта, честное слово! Она казалась абсолютно сумасшедшей. Ей даже не было необходимости прикладывать палец к губам, вся ее фигура представляла собой черно-красный сигнал предупреждения. Куда там Диме, подумала я, вот это действительно

номер! Разумеется, я продолжала гадать, что такого произошло у нее в жизни. Что-то из ряда вон выходящее – это уж точно.

Перри начал было что-то говорить, но Гейл упрямо продолжала:

– В руках она держала листок бумаги, сложенный пополам. Она протянула его нам. Я подумала: зачем? Это религиозная брошюра? «Готовьтесь встретить Господа вашего»? Или она вручает нам судебную повестку?

– А что в этот момент делал Дима? – спросил Люк, поворачиваясь к Перри.

– Наконец отпустил мое плечо, – поморщившись, ответил тот. – Но не раньше, чем удостоверился, что я внимательно смотрю на листок в руках у Тамары. Она продолжала совать его мне. Дима кивнул: прочти. Он все так же прижимал палец к губам. Тамара действительно вела себя как одержимая. Точнее, они оба. И они хотели, чтобы мы разделили их страх. Чего они боялись? Я взял листок и прочел. Не вслух, разумеется. Даже не сразу. Я стоял в тени, так что пришлось отойти к окну. По-прежнему на цыпочках – это доказывает, что мы находились во власти их чар. Мне пришлось повернуться спиной, потому что свет был слишком яркий. Гейл достала из сумочки мои запасные очки...

– ...потому что свои он, как обычно, забыл в отеле...

– Потом она крадучись подошла и встала позади меня...

– Ты меня сам поманил.

– ...ради твоей же безопасности... и стала читать через мое плечо. Кажется, мы прочли текст как минимум дважды.

– Плюс еще пару раз, – поправила Гейл. – Подумать только, такое безоговорочное доверие! Но почему? С чего они взяли, что мы им подходим? Черт возьми, нам навязали эту роль!

– У них не было иного выбора, – мягко заметил Перри. Люк рассудительно кивнул, Ивонн сдержанно повторила его жест, и Гейл почувствовала себя одинокой, как никогда.

Возможно, напряженная атмосфера в душном подвале действует Перри на нервы, подумала Гейл. А может быть, на него с запозданием нахлынуло чувство вины. Он рывком откинулся на спинку стула, опустил костлявые плечи в попытке расслабиться и ткнул пальцем в кожаную папку, которая лежала на столе перед Люком.

– Так или иначе, упомянутый текст есть у вас, в документе, поэтому мне не придется цитировать по памяти, – сердито сказал он. – Можете прочесть сами и успокоиться. Удивительно, если вы этого еще не сделали.

– И все-таки, – вздохнул Люк, – процитируйте, Перри, пожалуйста. Для полноты картины.

Гейл не сомневалась, что он испытывает Перри. В научных джунглях, которые ее возлюбленный так хотел покинуть, он был известен своей способностью цитировать целые абзацы художественного текста после одного-единственного прочтения. Как только воззвали к его тщеславию, Перри заговорил – медленно и без выражения:

– «Дмитрий Владимирович Краснов – он же Дима – европейский директор международной торговой корпорации „Арена“, Никосия, Кипр, предлагает, прибегнув к посредничеству профессора Перри Мейкписа и адвоката мадам Гейл Перкинс, заключить взаимовыгодное соглашение с властями Великобритании. Он готов, в обмен на предоставление постоянного места жительства его семье, сообщить ее величеству важную, безотлагательную и срочную информацию. Дети и члены семьи вернутся домой приблизительно через полтора часа. В этой комнате Дима и Перри могут побеседовать, не опасаясь быть подслушанными. Гейл, будьте добры, пройдите с Тамарой в другую часть дома. Не исключено, что в доме много звукозаписывающих устройств. Пожалуйста, храните молчание, пока все гости не вернутся с крабьих бегов».

– Потом зазвонил телефон, – сказала Гейл.

Перри сидит на стуле прямо, как будто его призвали к порядку, руки, как и прежде, лежат на столе, спина прямая, но плечи опущены. Размышляет, правильно ли собрался поступить. Челюсти упрямо стиснуты, хотя никто еще не попросил его ни о чем таком, чему следовало бы воспротивиться, – не считая Гейл, которая смотрит на любимого с выражением сдержанной мольбы. То есть она надеется, что смотрит именно так, хотя, возможно, взгляд получился скептическим. Гейл не уверена, что именно читается теперь на ее лице.

Люк излучает добродушие, даже беззаботность – надо полагать, наигранные.

– Я пытаюсь представить себе эту картину, – спешит объяснить он. – Очень необычный момент, согласна, Ивонн? Вот вы стоите бок о бок в комнате. Читаете. Перри держит письмо, а вы, Гейл, заглядываете ему через плечо. Оба *в буквальном смысле* лишены дара речи. Вы получили фантастическое предложение, на которое никоим образом не можете дать ответа. Кошмар. По мнению Димы и Тамары, вы, храня молчание, тем самым уже наполовину стали их сообщниками. Никто из вас, насколько я понимаю, не намеревался бежать прочь из дома. Вы как будто окаменели. Физически и эмоционально. Я прав? Таким образом, с точки зрения Димы и Тамары, все шло по плану, вы дали молчаливое согласие. У них неизбежно сложилось такое впечатление. Абсолютно без вашего участия. Ничего не делая, просто стоя там, вы ввязались в их опасную игру.

– Я думала, они совсем спятили, – говорит Гейл, чтобы хоть немного его притормозить. – Два параноика, честное слово, Люк.

– И какую конкретно форму приняла их паранойя? – немедленно уточняет тот.

– Откуда мне знать? Возможно, им чудилось, что кто-то нашпиговал дом «жучками». Что их подслушивают зеленые человечки.

Но Люк не так безобиден, как кажется. Он тотчас же режет в ответ:

– Разве это так уж маловероятно, Гейл, с учетом всего, что вы оба видели и слышали? К этому моменту вы уже должны были догадаться, что одной ногой стоите в мире русской организованной преступности. Ведь вы опытный юрист, если не ошибаюсь.

Повисла долгая пауза. Гейл не собиралась пикироваться с Люком, но если ему приспичило – пожалуйте.

– Так называемый опыт, о котором вы упомянули, Люк, – в ярости начала она, – к сожалению, относится не к той сфере... – Но Перри ее прервал.

– Зазвонил телефон, – мягко напомнил он.

– Да. Да, зазвонил телефон, – подтвердила она. – В метре от нас, если не ближе. Зазвонил так громко, как будто сработала пожарная сигнализация. Мы аж подпрыгнули от неожиданности. А Дима и Тамара даже не вздрогнули. Допотопный, черный стационарный аппарат сороковых годов, с диском и шнуром, стоял на шатком ротанговом столике. Дима взял трубку и что-то рявкнул по-русски, и прямо у нас на глазах его губы растянулись в фальшивой подхалимской улыбочке. И пошло кривляние. Натянутые улыбки, неискренний смех, наигранная веселость, каждую секунду что-то вроде «да, сэр» и «нет, сэр», в переводе – «так бы и удавил тебя голыми руками». Он не сводил глаз с чокнутой Тамары, ловя подсказки. И все так же прикладывая палец к губам, умолял нас не издавать ни звука, пока он разговаривает. Так, Перри? – Гейл из принципа игнорировала Люка.

Так.

– Видимо, ему позвонили те люди, которых он так боялся. И Дима хотел, чтобы мы тоже их боялись. Тамара дирижировала. Кивала, качала головой, а когда он говорил что-нибудь не то, лицо у нее становилось как у нарумяненной Медузы Горгоны. Я верно описываю, Перри?

– Цветисто, но довольно точно, – неловко подтвердил тот. А потом, слава богу, широко, искренне улыбнулся, пусть даже улыбка и получилась виноватой.

– И это был лишь первый из многих звонков за вечер, если не ошибаюсь? – ловко вернул Люк, переводя взгляд своих быстрых и до странности безжизненных глазок с одного на другую и обратно.

– Прежде чем вернулись домочадцы, Диме позвонили еще раз пять, – согласился Перри. – Гейл, ты ведь тоже слышала. И это было только начало. Пока я разговаривал с Димой наедине, то и дело раздавались звонки – и тогда либо Тамара кричала мужу, чтобы он взял трубку, либо Дима сам вскакивал и бежал к телефону, ругаясь по-русски. Если в доме и были параллельные телефоны, то я их не видел. Потом Дима объяснил, что мобильной связи здесь, в лесу, нет, вот почему все звонят на стационарный телефон. Я ему не поверил. Думаю, они просто проверяли, где он; позвонить домой – самый простой способ.

– Они?

– Люди, которые ему не доверяли. И которым он не доверял. Он был с ними повязан и ненавидел их. Люди, которых Дима и Тамара боялись, поэтому мы тоже должны были бояться.

Иными словами, подумала Гейл, люди, о которых знают Перри, Люк и Ивонн, но только не она. Люди, упомянутые в нашем проклятом документе, который на самом деле не наш.

– Значит, вы с Димой перешли в «удобное место», где можно было поговорить, не опасаясь быть подслушанными? – подстегнул Люк.

– Да.

– А Гейл отправилась общаться с Тамарой.

– Общаться, как же!

– Но все-таки вы пошли...

– ...в убогую гостиную, где воняло мышиным пометом и по телевизору передавали русскую православную службу. У Тамары в руках была сумочка.

– Сумочка?

– А Перри об этом не упомянул? В нашем документе, который я в глаза не видела? Тамара повсюду носила с собой черную сумочку. Когда она ее положила, внутри что-тобрякнуло. Не знаю, что это за общество, где женщины носят при себе оружие, но у меня возникло ощущение, что Тамара – своего рода эквивалент дяди Вани.

Раз уж это моя лебединая песня, почему бы и не развлечься напоследок?

– Телевизор занимал большую часть стены. Остальные стены были увешаны иконами. В изукрашенных рамах, для пущей святости. Исключительно святые мужского пола, ни одной праведной девственницы. Видимо, святые путешествовали вместе с Тамарой. У меня была тетушка вроде нее, бывшая проститутка, обратившаяся в католичество. Каждый из ее святых выполнял отдельную функцию. Если она теряла ключи, то молилась святому Антонию. Если садилась на поезд, то святому Христофору. Если ей не хватало пары фунтов – Марку. Если заболел родственник – Франциску, а если было уже слишком поздно – святому Петру.

Пауза. Она исчерпала себя – еще одна неудавшаяся актриса, снятая с роли.

– Как прошел конец вечера, Гейл, если *коротко*? – спросил Люк, только что не посматривая на часы.

– Просто потрясающе. Белужья икра, омары, копченая осетрина, целое море водки, получасовые пьяные тосты по-русски, огромный праздничный торт, клубы дыма от вонючих русских сигарет, мраморная говядина, крикет в саду в свете прожекторов, шумовой оркестр, который никто не слушал, фейерверк, на который никто не обращал внимания, купание для тех, кто еще держался на ногах, возвращение домой за полночь и веселенький разбор произошедшего за стаканчиком на сон грядущий...

В последний раз появляется пачка глянцевых фотографий. Пожалуйста, по возможности укажите всех, кого вы видели на вечеринке, говорит Ивонн механическим голосом.

Вот эти двое, устало показывает Гейл.

И этот, конечно, подхватывает Перри.

Да, Перри, этот тоже. Еще один мужик, куда бы деться. *Настанет день, когда русские преступницы добьются равных прав на достойную карьеру.*

Стоит тишина, пока Ивонн заканчивает свой аккуратный конспект. Наконец она кладет карандаш. Спасибо, Гейл, вы очень нам помогли, говорит она. Для блудливого маленького Люка это сигнал: выпроваживай. Он делает это галантно:

– Боюсь, Гейл, пора нам вас отпустить. У вас отличная память, вы идеальный свидетель, но все остальное мы узнаем от Перри. Мы оба вам безмерно благодарны. Спасибо.

Она стоит у двери, не помня, как оказалась там. Ивонн – рядом.

– Перри?..

Реагирует ли он? Вроде бы нет. Гейл шагает по лестнице, тюремщица Ивонн следом. В чересчур роскошной прихожей великан Олли, обладатель лондонского произношения с экзотическими интонациями, складывает русскую газету, неуклюже встает и, задержавшись перед зеркалом в старинной раме, обеими руками осторожно натягивает берет.

Глава 5

– Проводить вас до двери, Гейл? – спрашивает Олли, поворачиваясь на водительском сиденье, чтобы взглянуть на нее через перегородку.

– Не стоит, все в порядке.

– По вам не скажешь, Гейл. По крайней мере, на мой взгляд. Вы встревожены. Если хотите, зайду к вам на чашечку чаю.

Чашечку чаю?..

– Нет, спасибо. Все хорошо. Мне просто нужно выспаться.

– Нет лучшего лекарства от забот, чем здоровый крепкий сон.

– Да. Вы правы. Спокойной ночи, Олли. Спасибо, что довезли.

Она переходит улицу и ждет, что он отъедет, но такси стоит на месте.

– Сумочку забыли, дорогуша!

Действительно. Гейл злится на себя. И на Олли, который дождался, пока она подойдет к двери, прежде чем окликнуть ее. Она бормочет слова благодарности и называет себя идиоткой.

– Не извиняйтесь, Гейл, я еще хуже. Я бы и собственную голову позабыл, если б она отстегивалась. Вы точно *уверены*, милая?

Как раз сейчас ни в чем я точно не уверена, милый. Вот ты, например: шпион высшего разряда или мелкая сошка? Почему ты надеваешь очки с толстыми стеклами, чтобы при свете дня съездить в Блумсбери, и безо всяких очков возвращаешься обратно непроглядной ночью? Может быть, шпионы видят только в темноте?

Квартира, которую Гейл с братом унаследовали от покойного отца, располагалась на двух верхних этажах одного из красивых белых викторианских особняков, которым Примроуз-Хилл обязан своим очарованием. Амбициозный братец Гейл, охотившийся на фазанов с богатыми друзьями, владел половиной квартиры. Лет через пятьдесят, если к тому времени он не умрет от пьянства и если они с Перри до тех пор не расстанутся (в чем Гейл сейчас сильно сомневалась), они смогут выкупить его долю.

В вестибюле пахло бургундским фондю из квартиры № 2, слышались соседские ссоры и бормотание телевизоров. Горный велосипед, на котором Перри катался по выходным, стоял на своем обычном неудобном месте, прикованный цепочкой к сливной трубе. Гейл предупреждала, что однажды какой-нибудь предприимчивый вор украдет велосипед вместе с трубой. Перри обожал ездить в Хэмпстед-Хит в шесть утра и на полной скорости гонять по дорожкам, запретным для велосипедистов.

Ковер, которым были застелены четыре узких лестничных пролета, ведущих к ее входной двери, находился в последней стадии разложения, но обитатель нижнего этажа искренне не понимал, отчего он должен платить, а прочие соседи не собирались раскошелиться, пока он не заплатит первым; все считали, что Гейл, в качестве домашнего юриста, должна изобрести какой-нибудь компромисс, но, поскольку никто не собирался уступать занятые позиции, какой, к черту, может быть компромисс?!

Но сегодня она была благодарна даже соседям – пусть ссорятся, пусть слушают свою дурацкую музыку сколько душе угодно, пусть живут нормальной жизнью, потому что, видит бог, она отчаянно в этом нуждается. Увезите ее из операционной и отправьте в палату. Скажите: «Кошмар окончен, дорогая Гейл, больше никаких вкрадчивых шотландок и коротышек-шпионов с итонским произношением, никаких детей-сирот, красавиц Наташ, дядюшек с пистолетами, Дим и Тамар. Перри Мейкпис, твой посланный небом возлюбленный, наивный и невинный, не станет жертвовать собой ради оруэлловской любви к утраченной Англии

и пускаться на поиски Единения – с чем, господи? Больше не будет его фирменного извращенного, пуританского тщеславия...»

На лестнице у нее задрожали колени.

На первой тесной площадке они затряслись еще сильнее.

На второй неумная дрожь вынудила Гейл прислониться к стене и подождать.

По пути к последней площадке ей пришлось подтягиваться, держась за перила, чтобы добраться до квартиры, прежде чем иссякнут силы.

Стоя в крошечной прихожей, спиной к запертой двери, Гейл прислушивалась и принюхивалась, ожидая учуять запах спиртного, пота или застоявшегося сигаретного дыма, а то и всего вместе. Именно так несколько месяцев назад она догадалась, что ее ограбили, – еще до того, как поднялась по винтовой лесенке в спальню и обнаружила, что кровать загажена, подушки испорчены, а на зеркале написаны губной помадой всякие непристойности.

Как следует воскресив эту картину в памяти, Гейл открыла кухонную дверь, повесила пальто, заглянула в ванную, сходила в туалет, налила себе рюмки, отхлебнула, вновь наполнила бокал до краев и осторожно понесла его в гостиную.

Гейл пьет вино стоя. Она достаточно насиделась – на всю жизнь хватит, спасибо.

Она стоит перед неработающим самодельным макетом георгианского камина, который установил в квартире предыдущий владелец, и глядит в высокое подъемное окно. Шесть часов назад там стоял Перри – долговязый, как цапля – и, ссутулившись, смотрел на улицу в ожидании обыкновенного черного такси с выключенным опознавательным фонарем, последние цифры номера – 73, водителя зовут Олли.

Никаких занавесок на окнах. Только жалюзи. Перри не любит занавески, но тем не менее заплатит половину их стоимости, если Гейл действительно захочется. Перри, который не одобряет центральное отопление, но беспокоится, что она мерзнет. Перри, который утверждает, что им следует завести лишь одного ребенка в связи с перенаселенностью планеты, а в следующую минуту уже хочет шестерых. Перри, который, едва коснувшись английской почвы по возвращении с проклятых карибских каникул, немедленно мчится в Оксфорд, запирается в своем логове и в течение пятидесяти шести часов общается с Гейл посредством таинственных многозначительных эсэмэсок: «документ почти готов», «связался с нужными людьми», «приезжаю в Лондон во второй половине», «пожалуйста, оставь ключ под ковриком».

– Он сказал, у них особая команда, нестандартная, – рассуждает Перри, наблюдая за проезжающими мимо такси.

– Кто это тебе сказал?

– Адам.

– Который тебе перезванивал? Это он Адам?

– Да.

– Адам – это фамилия или имя?

– Я не уточнял, а он не сказал. По его словам, для подобных случаев у них разработана схема. Есть специальное место. Адам не стал объяснять по телефону, где оно находится. Но таксист в курсе.

– Олли.

– Да.

– Для каких конкретно случаев?

– Для таких, как наш. Это все, что я знаю.

Мимо проезжает черное такси, но фонарик у него светится. Значит, это не шпионская машина, а самая обыкновенная, и водителя зовут не Олли. Перри с досадой оборачивается к Гейл:

– Послушай, ну а чего еще ты от меня ожидала? Если у тебя имеется идея получше, выкладывай. С тех пор как мы вернулись в Англию, ты только и делаешь, что язвишь.

– А ты только и делаешь, что не подпускаешь меня к себе. И обращаешься со мной как с ребенком. Как с глупенькой девочкой, заметь.

Перри возвращается к созерцанию улицы.

– Адам – единственный, кто читал твой документ-письмо-отчет-свидетельские показания? – спрашивает Гейл.

– Очень сомневаюсь. И не поручусь, что его действительно зовут Адам. Это прозвучало... как пароль.

– Правда? Это как же, интересно?

Гейл на разные лады пытается произнести «Адам» как пароль. Перри не реагирует.

– Ну ты хотя бы уверен, что Адам – мужчина, а не женщина с низким голосом?

Нет ответа. Как и следовало ожидать.

Проезжает еще одно такси. Снова не наше. «Подумай, милочка, что надеть на свидание со шпионами», – сказала бы ее мать. Проклиная себя за эту мысль, Гейл сменила деловой костюм на юбку и блузку с воротничком-стойкой, выбрала удобные туфли – ничего такого, что способно возбудить фантазию собеседника. Ну разве что Люка – но откуда ей было знать?

– Может быть, Олли застрял в пробке, – предполагает она и вновь не получает ответа. Поделом. – Во всяком случае, подведем итоги. Ты передал письмо некоему Адаму. Некий Адам получил его. Иначе бы он, разумеется, тебе не позвонил... – Гейл назойлива и сама это понимает. Перри тоже. – Сколько страниц в нашем секретном документе? То есть в твоём.

– Двадцать восемь.

– От руки или напечатанных?

– От руки.

– Почему не напечатанных?

– Я решил, что писать безопаснее.

– Да? И кто тебя надоумил?

– Никто. Дима и Тамара убеждены, что за каждым их шагом следят, поэтому я решил принять к сведению их опасения и не делать ничего... при помощи электроники. Информацию могут перехватить.

– По-моему, это паранойя.

– Несомненно. Мы оба параноики. Дима и Тамара – тоже. Все мы сумасшедшие.

– Ну так давай это признаем и будем сходить с ума вместе.

Нет ответа. Глупая малышка Гейл пробует другую тактику:

– Каким образом ты вообще сумел связаться с мистером Адамом?

– В наши дни это может сделать кто угодно. Например, через интернет.

– Ты вышел на него через интернет?

– Нет.

– Не доверяешь интернету?

– Нет.

– А мне ты доверяешь?

– Да.

– Каждый день на работе я выслушиваю потрясающие признания. Тебе об этом известно?

– Да.

– Но, если не ошибаюсь, до сих пор ты еще не слышал, чтобы я разбалтывала секреты своих клиентов за праздничным столом.

– Не доводилось.

– Также ты знаешь, что я – начинающий юрист, который работает как проклятый и не знает, где и когда ему подвернется следующий клиент. Поэтому с профессиональной точки зрения я против тайнственных заданий, которые не повышают мой престиж и не приносят вознаграждения.

– Никто не дает тебе никаких заданий, Гейл. Нас не просят ни о чем, кроме разговора.

– Это и есть задание.

Еще одно такси – мимо. Вновь молчание, на сей раз весьма напряженное.

– Что ж, по крайней мере, мистер Адам пригласил нас обоих, – говорит Гейл бодро. – А я думала, ты полностью меня вычеркнул из своего документа.

В это мгновение он вновь становится прежним, и кинжал в руке Гейл оборачивается против нее самой – Перри смотрит на нее с такой любовью и мукой, что она сильнее тревожится за него, чем за себя.

– Я пытался, Гейл. Сделал все возможное, черт возьми, чтобы тебя не впутывать. Я думал, что смогу оградить тебя от участия в этих делах. Ничего не получилось, им нужны мы оба. По крайней мере, поначалу. Адам был... неумолим. – Неловкий смешок. – Наверняка ты и сама точно так же ведешь себя со свидетелями. «Если вы оба там присутствовали, то, разумеется, и явиться должны оба». Прости, мне действительно очень жаль.

Ему и вправду было жаль, и Гейл об этом знала. В тот день, когда Перри научится притворяться, он перестанет быть собой.

И ей тоже было жаль. Даже сильнее, чем ему. Гейл объясняла это, повиснув на шее у Перри, когда на улице перед домом показалось черное такси с выключенным фонариком, последние цифры номера – 73. Мужской голос с почти безупречным лондонским произношением сообщил по домофону, что его зовут Олли и что он должен отвезти их к Адаму.

И теперь ее снова вывели за рамки. Воспретили вход, изгнали, выпроводили.

Послушная маленькая женщина ожидает возвращения возлюбленного и опустошает тем временем второй объемистый бокал риохи.

Предположим, так с самого начала значилось в дурацком договоре. Зря она допустила, чтобы это так легко сошло Перри с рук. Но это отнюдь не означает, что она будет сидеть без дела.

Утром, пока Перри маялся дома и покорно ждал Гласа Адама, Гейл в своем рабочем кабинете стучала по клавишам компьютера, причем в кои-то веки занимало ее вовсе не дело «Сэмсон против Сэмсона».

Почему она предпочла подождать до прихода на работу, вместо того чтобы воспользоваться дома своим ноутбуком, – зачем вообще нужно было ждать – оставалось для нее загадкой, если не поводом к откровенному самобичеванию. Это все Перри со своей конспирацией, он заразил ее.

То, что Гейл сохранила Димину визитную карточку с неровными краями, само по себе было преступлением, поскольку Перри велел ее уничтожить.

То, что она пользовалась компьютером – потенциально отслеживаемое действие, – с его точки зрения тоже, как выяснилось, было преступлением. Но раз Перри не уведомил ее заблаговременно о новом витке своей паранойи, то пусть и не жалуется.

Авторы веб-сайта на скверном английском языке сообщали, что международная торговая корпорация «Арена» (Никосия, Кипр) – это консультационная компания, которая специализируется на «предоставлении помощи активным предпринимателям». Головной офис находится в Москве, представительства – в Торонто, Риме, Берне, Карачи, Франкфурте, Будапеште, Праге, Тель-Авиве и Никосии. На Антигуа, впрочем, ни одного. Никаких латунных табличек. По крайней мере, они не упомянуты.

«Арена» отличается соблюдением конфиденциальности и предпринимательскими [«е» вместо «и»] новациями во всех сферах деятельности. Она предоставляет первоклассные [с одной «с»] возможности и проводит частные банковские операции [написано правильно]. Внимание: веб-страница временно находится в стадии разработки. Более подробную информацию можно получить, отослав запрос в московский офис.

Некто Тед, холостяк-американец, занимался фьючерсными сделками для «Морган Стенли». Гейл позвонила ему.

– А, Гейл, детка.

– Есть такая международная торговая корпорация «Арена». Можешь накопать на них какой-нибудь грязи?

Грязи? Тед умел собирать компромат, как никто другой. Через десять минут он перезвонил:

– Эти твои русские друзья...

– Русские?

– Они вроде меня. Чертовски горячие парни и неприлично богатые.

– Насколько богатые?

– Никто наверняка не знает, но похоже, что в космических масштабах. Пятьдесят с лишним филиалов, и у всех – безупречное прошлое. Расследуешь отмывание денег, Гейл?

– Как ты догадался?

– Эти русские воротилы перекидывают деньги друг другу так быстро, что невозможно определить, кто и как долго ими владеет. Вот что я непосильным трудом нарыл для тебя, моя радость. Теперь ты будешь вечно меня любить?

– Я подумаю, Тед.

Следующим был Эрни, всеведущий судебный секретарь лет шестидесяти с хвостиком. Гейл дождалась обеденного перерыва, когда горизонт более или менее расчистился.

– Эрни, окажите услугу. Ходит слух, что вы посещаете какой-то нечестивый чат, когда хотите разузнать побольше о компаниях наших глубокоуважаемых клиентов. Я в шоке, и мне нужно, чтобы вы кое о чем там спросили...

Через полчаса Эрни протянул ей распечатку нелицеприятного разговора (несколько отредактированного) о торговой корпорации «Арена».

Эй, придурки, кто-нибудь в курсе, кто заправляет этой лавочкой? Они меняют MD как перчатки. П. Броснан.

Прочти, запомни и усвой мудрые слова Мейнарда Кейнса: рынок способен оставаться иррациональным дольше, чем ты – платежеспособным. Сам придурок. Р. Кроу.

Что за хрень с их сайтом? Он сдох. Б. Питт.

Сайт «Арены» упал, но не умер. Рано или поздно всплывет. Берегитесь, кретины. М. Монро.

Но мне правда интересно. Сначала эти парни насели на меня, как будто у них горело, а потом свалили. П.Б.

Слушайте, ребята. Говорят, «Арена» открыла офис в Торонто. Р.К.

Офис? Не пудри мне мозги. Это русский ночной клуб, старик. Стриптизерши, водка и борщ. М.М.

Эй, придурок, это снова я. Кажется, они открыли офис в Торонто, после того как прикрыли филиал в Экваториальной Гвинее. Лучшие уноси ноги, и поживее. Р.К.

«Арена», мать ее, вообще не гуглится. Seriously, ни одной ссылки. Вот убожество, обожгаться. П.Б.

Ты хоть немного веришь в карму? Если нет – это ты зря. Ты вляпался в самое большое дерьмо в мире отмывания денег. Официально заявляю. М.М.

Им прямо не терпелось. И вот те на... П.Б.

Держись от них подальше. Как можно дальше. Р.К.

Гейл на Антигуа, перенесенная туда очередным бокалом риохи.

Она слушает, как пианист в лиловом галстуке проникновенно напевает что-то из репертуара Саймона и Гарфункеля пожилой американской чете, которая в полном одиночестве вальсирует на танцполе.

Она избегает взглядов красивых официантов, которые от нечего делать раздевают ее глазами, и слышит, как семидесятилетняя вдова из Техаса, сделавшая, наверное, тысячу пластических операций, приказывает Амброзу принести красного вина – только не французского.

Она стоит на теннисном корте, сдержанно пожимая руку лысому громиле по имени Дима. Гейл вспоминает его укоризненные карие глаза, массивную челюсть и агрессивную манеру чуть отклоняться назад, точь-в-точь Эрих фон Штрогейм.⁵

Она в подвале дома в Блумсбери, еще минуту назад – спутница жизни, а теперь – лишний багаж, от которого надо избавиться. Сидит в компании трех человек, куда более осведомленных, чем она, благодаря «нашему» документу и всему тому, что Перри умудрился наболтать за это время.

Она сидит в одиночестве, в гостиной своей очаровательной квартирке в Примроуз-Хилл, в половине первого ночи, с «Сэмсоном против Сэмсона» на коленях и пустым бокалом на столике рядом.

⁵ Эрих фон Штрогейм (1885–1957) – американский актер и кинорежиссер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.